

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт иностранных языков
Кафедра профессионально-ориентированного языкового образования**

**С.М. Тиллоева
Е.В. Чусовитина**

**Лексико-семантический анализ
многозначного слова
(на материале персидского
и русского языков)**

Монография

Екатеринбург 2018

УДК 81'37(035.3)
ББК Ш105.31+Ш104
T40

рекомендовано Ученым советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
в качестве научного издания (Решение № 6 от 14.02.2018)

Научный редактор: ведущий научный сотрудник, кандидат филологических наук С.Д. Холматова (отдел словарей Института языка и литературы им. А.Рудаки Академии наук Республики Таджикистан)

Рецензент:

Академик ИЛИ РАН г. Санкт-Петербурга И.М. Стеблин-Каменский

Тиллоева, С. М.
T40 Лексико-семантический анализ многозначного слова
(на материале персидского и русского языков [Электронный ресурс] :
монография / С. М. Тиллоева, Е. В. Чусовитина ; Урал. гос. пед. ун-т. –
Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 1 электрон. опт. диск
(CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-0985-1

В работе демонстрируется, что значение слова является относительно самостоятельной величиной, характеризующейся не только постоянной связью с другими словами и зависимостью от всей лексико-семантической системы языка, но и обладающей определенной «субстанцией» вне контекста.

Монография адресована лингвистам, переводчикам, специализирующимся на одном из сопоставляемых языков (персидском и русском).

УДК 81'37(035.3)
ББК Ш105.31+Ш104

© Тиллоева С. М., Чусовитина Е. В., 2018
ISBN 978-5-7186-0985-1 © ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Семантическая структура лексических единиц: сопоставительный аспект.....	5
1.1. Семантическая структура лексических единиц: принцип «эквивалентности».....	5
1.2. Периодическая закономерность в иерархии слов.....	30
1.3. Компонентный анализ значения слова: механизм компонентного фильтра (операция порождения).....	44
1.4. Компоненты семантической структуры многозначных слов: межъязыковые универсалии и национальная специфика.....	69
Заключение.....	95
Библиография.....	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой специфичный способ его концептуализации. Это значит, что в основе каждого конкретного языка лежит особая модель, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. (Разумеется, все национально-специфичные языковые модели имеют и общие, универсальные черты).

Система языка является средством представления, а тем самым и членения мира, континуум в действительности, которая существует независимо от нашего восприятия. Отражение действительности человеческим сознанием происходит на базе языка, а в каждом конкретном случае – того или иного языка. В процессе отражения язык накладывает на континуум действительности сетку системы, представляет этот континуум через призму своего строения. В силу того, что системы разных языков не совпадают друг с другом, в каждом отдельном языке обнаруживаются особенности представления действительности, обусловленные особенностями строения языка. Поскольку каждый язык отражает весь континуум действительности (имеет средства для его отражения), способ членения этого континуума не может зависеть от строения системы.

Исследование семантических изменений, происходящих в лексической системе сопоставительных языков, подтверждает, что в семантической структуре слов объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова. Но для правильного их выделения необходимо определение как характера этих элементов, так и тех соотношений, в которых они находятся.

ГЛАВА 1

Семантическая структура лексических единиц: сопоставительный аспект

1.1. Семантическая структура лексических единиц: принцип «эквивалентности»

Многие языковеды, занимавшиеся лексикологией, семантикой, лексикографией, обращали внимание на то, что при самом широком рассмотрении слова каждого конкретного языка образуют как бы единую систему или некоторое число взаимосвязанных подсистем. В общей форме эту мысль следующим образом выразил Л. В. Щерба: «Слова ... служа для взаимопонимания членов определенного коллектива, составляют единую сложную «ткань», единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях» [Щерба 2005: 21].

В связи с этим мы поставили и попытались ответить по меньшей мере на два теоретических вопроса: 1) что такое слово, служащее для взаимопонимания, как единица лексической системы? 2) относится ли эта система, если она существует, к одному конкретному языку или она может в целом, особенно же в частях (подсистемах), быть общей для нескольких, в частности, генетически родственных или находившихся в тесном контакте языков? Сохраняя удачную метафору Л.В.Щербы, согласимся с тем, что для филолога, долго изучавшего тексты (в самом широком смысле) и словарь какого-либо языка, слова этого языка действительно составляют как бы единую сложную «ткань», которую можно

научно описать. Ощущение наличия подобной ткани есть, очевидно, и у обладающих знаниями и языковым чутьем носителей языка, в частности, у авторов тематических и синонимических словарей.

Важно заметить, что совершенно другую особую, также очень сложную проблему, представляет собой лексика двуязычная. Здесь речь идет уже не только о строго научном раскрытии смыслового строения слова данного языка, но и о систематическом сопоставлении его с теми единицами языка – объекта, которые должны быть предложены в качестве переводов всех значений, подзначений, оттенков, употреблений слова языка источника. Иными словами, исследователь поставлен перед необходимостью решить задачу – подвергнуть семантические структуры слов языка – источника детальному и исчерпывающему переводу средствами языка – объекта, то есть найти место в сопоставительном описании двух словарных составов для неопределенно большого количества лингвистического материала. Поэтому здесь вопрос идет уже об известном пренебрежении парадигматическим аспектом, о возможно более широко привлечении фактических синтагматических реализаций, вплоть до мельчайших оттенков и «подзначений», так как никакие общие определения не смогут обеспечить перевод слова в каждом данном контексте.

Поскольку объектом нашего исследования является *Человек – Инсон*, то здесь необходимо отметить на тот факт, что обращение современной науки к антропоцентрической проблематике выдвигает массу вопросов психо-, социо-, этнолингвистического характера. В центре внимания таких исследований оказывается деятельность человека, познание процессов, происходящих вокруг него, так и тех процессов, которые происходят внутри.

Тем самым, *Человек* представляется как многоаспектная, разноплановая система познавательной деятельности, осмысляющая мир и себя

в мире. Здесь на первый план выдвигается когнитивный аспект языка, когда во главу угла ставится вопрос человеческой когниции, то есть исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации. По мнению В.А. Масловой, ментальные репрезентации (внутренние представления, модели), символы, стратегии человека порождают действия на основе знаний [Маслова 2004: 56].

В этом плане именно язык, являясь самой мощной системой коммуникации, обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам. Является аксиомой и то, что язык есть обязательный компонент решения мыслительных задач. Язык обеспечивает прием информации, знаний, сообщений, но и обрабатывает получаемую информацию. Здесь мы согласны с утверждением тех исследователей, которые предлагают рассматривать всю познавательную деятельность человека (когницию) как развивающую умение ориентироваться в мире. Не требует доказательств и то, что ориентация человека в мире, познание мира, в первую очередь, происходит через самопознание, посредством частей тела человека. Изучение феномена *Человека*, находящегося в центре когнитивной и функционально-коммуникативной систем языка находит естественное выражение в синтагматических комбинациях с соматизмами, отражающих познание мира через самопознание, когда суждения о мире, выступают следствием экстраполяции в них суждений о самом себе и своих частях тела.

Мы полагаем, что наиболее значимыми в рамках когнитивного и психолингвистического исследования будут выступать лексемы *голова, глаза, рот, руки, сердце*. И это вполне объяснимо, если мы представим человека как систему, пропускающую информацию через самого себя, посредством определенных частей тела. Основные функции человека (любой расы и национальности) – это получение информации через виде-

ние, взгляд человека (*глаза*), сознательная обработка когнитивной информации в голове (*разумом*) и /или в сердце (*чувствами*), и естественная реакция человеческого организма через деятельность (*рот, руки*), что нашло отражение в большей распространенности и частотности соответствующих соматизмов. Синтагматические комбинации с вышеперечисленными соматическими компонентами создают упорядоченную совокупность номинантов с базовым концептом *Человек*. В подобной системе выделяются две подсистемы, дифференцирующиеся в зависимости от соотношения номинанта с внутренним миром человека, в котором он проявляется как мыслящее и чувствующее существо (здесь происходит альтернатива *голова – сердце, разум – чувства*), и с внешним, в котором человек действует как живое и общественное существо.

Диалектическое единство тела и духа было отражено уже в известном изречении древних: «В здоровом теле здоровый дух». В дальнейшем не только повседневная практика, но и наука доказала справедливость этого утверждения. И, может быть, наиболее выразительно в этом плане оказались слова А. И. Герцена: «...полноте презирать тело, полноте шутить с ним! Оно мозолью придавить ваш бодрый ум и на смех гордому вашему духу докажет его зависимость от узкого сапога».

В этом плане особый интерес вызывает диада *голова – сердце*. Данные лексемы относятся к активно действующим в языках и являются средствами эмотивного отражения идеографической системы, объединенный базовым концептом *Человек*. В данной работе мы обращаемся к анализу соматизма *голова* как символа разума и лексемы *сердце* как «вместилища» чувств.

По нашим наблюдениям, в подсистеме *голова* выделяется два направления, дифференцирующиеся в зависимости от соотношения номинанта с внутренним миром человека, в котором человек проявляется

как мыслящее и чувствующее существо, и с внешним, в котором он действует как живое и общественное существо.

Итак, комбинации с соматизмом *голова* при рассмотрении подразделяются в связи с физиологией и деятельностью интеллекта. Сфера мышления во всех языковых культурах представляет интереснейшее поле для анализов. Примечательно, что в русской и таджикско-персидской картинах мира выявлено значительное число конвенциональных комбинаций, где наблюдается преимущество значения *головы* как символа рассудка. Тогда как в английской картине мира соматизм *голова* больше связан с чувствами, чем с рассудком, то есть преобладает не рациональное, а чувственное или интуитивное мышление.

В языковом сознании представителей ряда культур *голова* отождествляется сущностью человека или личностью, его внутренним Я, что выражается определенными комбинациями. В русском языке соматизм *голова* употребляется с личными местоимениями, тогда как в таджикском и персидском языках наблюдается употребление этого соматизма с прилагательными.

Согласно данным современной науки, человек, познавая мир, выступает в различных ипостасях. Иными словами человеческое Я многообразно (Я – физическое, Я – интеллектуальное, Я – социальное и др.). Важнейшим же выразителем Я – эмоционального является концепт *сердце*. Как известно, *сердце* является центральным органом кровеносной системы человека и животных, и обеспечивает кровоснабжение организма, следовательно, и жизнедеятельность всех органов. В отличие от других частей тела, которые реагируют в основном на внешние раздражители, *сердце* имеет уникальную способность мгновенно реагировать на внутренние раздражители, т.е. происходит сильное эмоциональное воздей-

ствие, связанное с радостью, страхом, волнением, ликованием, гневом, что нашло отражение во многих синтагматических комбинациях.

Поскольку семантика соматических комбинаций с лексемой *сердце* связана с эмоциональными, психическими особенностями человека, то данная группа может выражать в языке характер, темперамент человека: *Человек большого сердца – Одами дил соф – از دل و جان – всем сердцем, от всей души*. В анализируемых языках данное сочетание употребляется в значении *человек великодушный, благородный*.

По нашим наблюдениям, лексема *сердце* по отношению к человеку употребляется в двух основных значениях: как орган кровообращения, и сосредоточие / символ чувств. Диффузность / взаимопроникновение этих значений достаточно заметны в общеупотребительном языке: *больное сердце; чувствовать сердцем: дили касал; дилаш гувохи медихад; به دل گرفتن – принимать близко к сердцу, переживать; обижаться, болезненно реагировать*.

В наивной картине мира, зафиксированной в языке, деятельность и свойства *сердца* проявляются через видение или речь, что подтверждается значительным количеством синтагматических комбинаций, включающих компонент *сердце*. В целом, в исследуемых языковых культурах зафиксированы конвенциональные комбинации с эмотивным значением: осуждения, злобы, зависти.

Проведенный анализ позволил сделать некоторые выводы. Миропонимание носителя языка складывается из совокупности определенных концептов. Так, процесс накопления, хранения, обработки и передачи когнитивной информации может быть репрезентирован концептами *человек, голова, глаза, рот, руки, сердце*, каждый из которых несет определенную смысловую нагрузку в пределах концептосферы языкового сознания носителя языка. В центре когнитивной системы языка находится

Человек, и это получает естественное выражение в синтагматических комбинациях с соматизмами, в которых отражается концептуализация мира через познание самого себя и своих частей тела.

Прежде чем перейти к анализу вышеизложенного положения, связанного с семантическим полем «*Человек – Инсон*» в русском, таджикском и персидском языках, необходимо еще раз подчеркнуть тот широко известный факт, что каждому языку свойственно свое семантическое строение. Это значит, что каждый язык по своему «избирает» те аспекты или характеристики реально различающихся предметов, явлений, процессов, которые семантически их объединяют и позволяют обозначить одним словом. В русском языке семантически объединяются и обозначаются одним словом те реальные процессы, которые в таджикском и персидском языках имеют разные наименования. С этой точки зрения двуязычные словари представляют собой практическое применение достижений еще одной стороны семиологического исследования, основывающегося на лексичесентрическом подходе к проблеме значения, а именно – сопоставительного анализа.

Принципы, методы и приемы сопоставительного лингвистического исследования, то есть исследования, основанного на сравнении соответствующих явлений разных неродственных языков, помогающего лингвисту глубже проникнуть в сущность специфических особенностей и свойств отдельного языка и открывающего перед ним путь для изучения возможностей установления языковых универсалий, неодинаково разработаны для различных уровней языка. Наибольших успехов сопоставление достигло в области фонетики и грамматики, в то время как лексике до сих пор уделялось значительно меньше внимания. Однако именно сопоставительный анализ лексики, проводимый с достаточной последовательностью и на основе четко разработанной методики, может способствовать

решению целого ряда самых актуальных практических и теоретических вопросов.

Из важных методологических проблем, связанных с сопоставительным анализом лексики, выделяется следующая: что является исходным материалом исследования – что подвергается анализу – слово во всей полноте его значений и его эквивалент в другом языке или понятие, фиксируемое в лексемах различных языков? Иными словами, может ли исследователь проводить сопоставление только в лингвистических терминах или существует необходимость обращаться к экстралингвистической реальности? На этот вопрос, связанный с проблемой онтологии языка, существует один ответ: в лингвистическом исследовании вообще, а особенно в сопоставительном исследовании лексики, нельзя обойтись без обращения к экстралингвистической действительности, без учета хотя бы соотношенности слова и понятия. Это, кажущееся безусловным, положение не всегда и не всеми принимается как обязательное. Часто исходят из того, что значение слова является относительно самостоятельной величиной, характеризуемой не только постоянной связью с другими словами и зависимостью от всей лексико-семантической системы, но и обладающей определенной «субстанцией» вне контекста.

Вследствие этого считается достаточным сравнивать эти, обладающие собственным (лингвистическим) содержанием, значения [Farkas, 2003: 56]. Однако мы не можем согласиться с такой точкой зрения. Нам представляется, что исходным материалом исследования в лексических сопоставительных работах должно служить слово, являющееся во всей совокупности его вариантных модификаций общественно закрепленным выражением понятия. Само слово не есть значение, связанное с объективно – реальным звучанием (звуковой комплекс), обозначает объект и фиксирует понятие о нем. Не будучи тождественными, слово и понятие

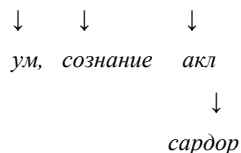
находятся в неразрывном единстве. Таким образом, при сопоставлении сходных лексических единиц разных языков мы обязательно должны учитывать экстралингвистические факторы.

Одним из важнейших принципов сопоставительного анализа является принцип «эквивалентности», понимаемый как определенного вида соответствие между словами двух и более языков, а не их тождество. Тождество слова определяет его регулярную воспроизводимость в речи, независимо от грамматической формы или лексико-семантического варианта, в котором оно конкретно реализуется. Сопоставляемые слова функционируют в составе разных языков, обладающих собственными грамматическими и семантическими системами, поэтому вопрос о тождестве двух единиц разных языков не может ставиться. Отсутствие тождества не означает, однако, что слова не могут быть соотнесены, что они не эквивалентны. Эквивалентность таких слов, следовательно, определяется, прежде всего, сходной предметной отнесенностью; причем своеобразие и специфический путь развития отдельного языка, имеющего свои особые лексическую и грамматическую системы, определяют степень этой эквивалентности.

При сравнении лексических единиц разноструктурных языков, важным является вопрос о том, подвергается ли сопоставлению слово или его значения. Здесь мы сталкиваемся с некоторой непоследовательностью. Обычно в начале исследования речь идет о слове. Например, сопоставим русское *голова*, таджикское *сар*, (*кала*) и персидское *سر (ساز) كاه*. Поскольку, как уже говорилось, семантические объемы, семантические системы разноязычных слов, сходных в отношении выражаемого ими основного понятия, не совпадают, обнаруживается своеобразное переkreщивание семантических линий в системах разных языков, и исследователь, как правило, переходит к сопоставлению значений и, более того, употреблений.

По-видимому, в исследованиях подобного рода это неизбежно. Поэтому при сопоставлении указанных выше слов мы, начиная с главного значения, должны рассматривать также соотношение их семантических структур.

Верхняя часть тела человека, содержащая мозг – голова ↔ *sar* ↔

В персидском языке различаются: *سار* – 1. уст. голова; 2. 2-й компонент сложных слов со значением голова, например: *سیکسار* – легкомысленный;

سر – 1. голова: *یا سر میرود یا کلاه میاید* – погов. или голова пропадет, или шапка появится (либо пан, либо пропал).

کله – 1. голова, башка (тж. животных); 2. ум, разум; 3. голова, умный, мудрый человек.

Естественно, что слово *голова*, эквивалентом которого в таджикском и персидском языках являются *sar*, *کله سر* не полностью совпадает с ними по своему семантическому объему, особенно при сопоставлении, отвечающем требованиям двуязычного словаря.

Для того чтобы раскрыть подлинную систему эквивалентности между *голова* и его таджикско-персидскими соответствиями, необходимо подвергнуть планомерному сопоставлению все речевые ситуации (контексты), в которых встречается *голова* с параллельными контекстами в таджикском и персидском языках. Конечно, когда мы говорим «все контексты», мы не имеем в виду действительно все возможные случаи употребления *голова*, поскольку они не могут быть нам известны. Речь может идти о сопоставлении употребления *голова* и его эквивалентов в произве-

дениях одного автора (подлинник и перевод), о сопоставлении в пределах одного жанра и т. п. Наиболее общее представление дает сопоставление типичных контекстов употребления, которые, как видно из приведенного выше материала, достаточно полно и широко приводятся большими толковыми словарями. На основании сопоставительного анализа последних можно установить, что *голова* имеет эквиваленты, кроме существительных *сар*, سر, которые, будучи сами довольно емкими по своей семантике, покрывают большую часть семантического пространства, охватываемого словом *голова*.

Так, *сар* и سر выступают как эквиваленты *голова* в случаях:

а) *Сарам дард мекунад* – у меня болит голова; سرش درد میکند – а) у него болит голова (здесь уместно заметить, что данное предложение в персидском языке, в разговорной речи, имеет также значение – у него большая охота заняться (чем برتی); б) *Сар то кадам* – с головы до ног; в) *Сар афкандан* – вещать голову; سر دادن – а) сложить голову, погибнуть (ради чего); *Сар бохтан* – рисковать головой;

با سر خود بازی کردن – рисковать своей головой;

В случаях типа: а) *Сар додан* – сложить голову; б) *Сар задан ба чизе* – ударяться головой обо что-л.; با سر – разг. головой вперед; головой вниз; سر افکندن – потупиться, опустить голову.

Лексемы таджикского языка *Акл*, *хирад*, *майна* выступают как эквивалент *голова* в случаях *Вай одами боакл аст* – у него ясная голова; *Майнаи вай гич мешуд* – в его голове все перепуталось. В персидском языке сходное значение может быть передано сочетанием: آدم با کله – человек с головой, умный человек; کلهاش گج است – он глуп как пробка. Интересно заметить, что в таджикском языке *Сарам гич шуд* переводится – устал, утомился (главным образом от умственной работы).

Сардор, рохбар, садр выступают в качестве эквивалента *голова* в случаях: а) *У сардори хамаи корхост – он всему делу голова*. Аналогичное значение в персидском языке имеет, рассмотренная нами лексема – **سركش**

Мы показали семантические эквиваленты существительного *голова* в таджикском и персидском языках, на которых должна основываться его подача в двуязычном словаре. Однако при сопоставлении необходимо одновременно раскрывать и все оттенки значения *голова* с учетом частотности их употребления в современном русском языке и как можно шире показать возможности перевода этого существительного в различных контекстах его употребления.

На этом последнем моменте необходимо остановиться. Дело в том, что эквивалентность не покрывает все возможности перевода. Существующие средние и малые двуязычные словари приводят, за редким исключением, именно основные эквиваленты. Предполагается, что человек, пользующийся таким словарем, понимает его ограниченные возможности. Иначе говоря, хотя двуязычный словарь является переводным, он не показывает все способы передачи *голова* на таджикский или персидский языки; как и обычный толковый словарь, иллюстрации которого представляют собой типичные случаи употребления, он ограничивается типовым переводом. Последний, являясь правильным, служит в то же время (особенно для переводчика художественной литературы) как бы отправным пунктом, толчком для дальнейших поисков нужного слова, могущего наиболее точно и ярко выразить не только значение *голова* в определенном контексте, но и те его коннотации, которые связаны с данным контекстом, с данной речевой ситуацией. Так, приведенные выше иллюстрации, адекватно соотнесенные с таджикскими и персидскими эквивалентами, могут найти и иные соответствия, которые либо более тонко различают конкретное употребление, либо являются своего рода вариантами,

возможными при данном употреблении, либо обнаруживают определенные стилистические нюансы.

Не имея возможности учесть все могущие возникнуть случаи, приведем несколько примеров, в которых вместо указанных выше эквивалентов появляются другие переводы. *Сар то кадам – весь*; *Сар бохтан – рисковать жизнью*; *Сар афкандан – приходить в уныние*; سر افكندن – *смириться, сдаться*.

Неизбежным результатом того, что семантические системы сопоставляемых языков не совпадают и не могут просто «накладываться» друг на друга и того, что в двуязычном словаре должны учитываться оба аспекта – семантическая структура слова *голова* и система его эквивалентов в таджикском и персидском языках, причем последняя с учетом возможностей перевода – является не только дробность подачи материала, но и некоторая искусственность в его членении. Поясним это на примере: в таких контекстах *Парниками мой папаша управляет, он у нас голова сельского хозяйства* (Ажаев, Далеко от Москвы); *Свинкин ветряная голова. Иногда черт знает, какие тебе итоги выведет, перепутает все справки. Я измучился с ним.* (Гончаров, Обломов). Эквивалентом слова *голова* в таджикском языке являются *акл*, *шуур* (*у одами боакл аст – он у нас голова*) – в персидском *کله*. Однако в данном случае мы имеем дело не с первым из рассмотренных нами инвариантным значением *голова*, а с тем, которое связано с «преодолением» и т.п. Это подтверждается также и возможностями перевода (*у одами хирад аст – одами окил – он умная голова*). С точки зрения таджикского языка в обоих случаях реализуется одно значение. Необходимость повторения эквивалента объясняется тем, что таджикское существительное *сар* имеет несколько оттенков значения, соотносимых с разными оттенками значения *голова*. В этих случаях персидское слово *کله* покрывает значение русского *голова*.

Неразрешенность вопросов, относящихся к семантической структуре слова, сказывается на характеристиках многозначных слов, вызывая поразительный разбой как в количестве выделяемых значений у семантически однородных слов, так и в порядке их расположения в словарных статьях.

В этом плане можно полностью согласиться с Д.Н. Шмелевым, который считал, что отсутствие теоретически обоснованного представления о составе лексического значения слова во многих случаях лишает словарные толкования желательной строгости и последовательности. «Понятно, – отмечает Д.Н. Шмелев, – что составление таких словарей, как фразеологические, синонимические, словообразовательные и т. д., в еще большей мере связано с решением соответствующих теоретических вопросов, так как от этого решения должны зависеть и характер, и самый материал подобных словарей [Шмелев 1973: 28].

Поэтому одной из первостепенных задач лингвистики в настоящее время представляется рассмотрение тех наиболее общих понятий, которые лежат в основе исследования различных сторон языка, с точки зрения их соотношения друг с другом, их «совместимости» при попытках создать общую лингвистическую теорию.

Многочисленные исследования отмечают, что в развитии современного языкознания решающую роль сыграла фонология [Там же: 9]. Принципы и методы, выработанные в фонологии, во многом оказывались притягательными для исследователей других сфер языка. Во-первых, импонировала строгость лингвистического анализа, требование точного определения вводимых терминов и последовательного их применения; во-вторых, привлекательны были и некоторые общие лингвистические представления, получившие развитие и глубокую разработку в фонологических исследованиях (разграничение синхронии и диахронии, понима-

ние как системы, основанной на определенного вида оппозициях, понятие дифференциальных признаков, нейтрализации и т. д.).

Многочисленные фонетические и фонологические исследования достаточно убедительно раскрыли, как организованы в определенную систему единицы плана выражения. Оказалось, что при всем конкретно-материальном разнообразии фонетических явлений различных языков принципы функционирования звуков как смысловоразличительных единиц, т.е. как собственно лингвистических единиц, в основном являются общими. Оказалось также возможным установить общие категории, при помощи которых можно описать организацию и функционирование этих единиц в конкретных языках.

Успехи фонологии создали такую ситуацию, когда дальнейшее развитие языкознания в целом стало зависеть от применения при изучении морфологии, синтаксиса, лексики тех новых идей и понятий, которые были впервые сформулированы или конкретно разработаны в фонологических работах. Само собой разумеется, что поверхностное и механическое приспособление инородной терминологии к грамматике и лексике не могло способствовать прогрессу в этих областях науки.

Становится все более очевидным, что речь должна идти не о поисках различных фактов «изоморфизма» в узком смысле слова, а об установлении основных принципов организации языка, которые как это можно с большей долей вероятности предположить, являются общими для всех его «уровней». Е. Курилович отмечал: «Между расчленением семантической структуры на семантические единицы (элементы) и звуковым анализом лежит пропасть, которая дает возможность осознать, насколько глубоко различия между фонологией и семантикой. Расстояние, разделяющее их, столь же велико, сколь и то, которое лежит между элементами архитектурного стиля и физико-химическими свойствами материала, ис-

пользованного для какого-либо сооружения. И если, несмотря на это, звуковые и семантические системы обладают в области структуры рядом общих особенностей или даже идентичных черт, то приходится признать существование законов, справедливых не для какой-либо определенной системы, а вообще для систем, удовлетворяющих некоторым общим условиям» [Курилович 1995: 73-81].

Так, несомненно, что единицы определенного уровня получают свое «значение» на основе их сопоставленности с другими единицами того же уровня, что делает возможным и необходимым их рассмотрения в определенном парадигматическом ряду. Установление некоторых тождеств и различий, существующих между единицами данного ряда, иначе говоря, установление того, в чем одна единица сходна от другой единицы того же ряда и чем она от нее отлична, предполагает выделение некоторых элементов, являющихся элементами сходства и различия. Сам термин «парадигма», как известно, издавна применяется в морфологии (парадигмы имени существительного, парадигмы глагола). Однако новый подход к языку, обусловленный прежде всего развитием фонологических идей, неизмеримо обогатил представление о такого рода связях и позволил по-новому взглянуть на их характер.

Можно высказать предположение, что понятия парадигмы, дифференциальных признаков, дистрибуции, нейтрализации вполне естественно распространяются на все уровни языка, в том числе и на лексику, т.е. наиболее трудную и не поддающуюся пока упорядочению сферу языка.

Слово как лексическая единица языка является средоточием многих свойств, неоднородных в силу сложности системы языка.

Некоторые исследователи подчеркивают, что только внутриязыковые отношения слова существенны для лингвистики. Иногда с этим связано противопоставление лексического значения слова – значимости.

Так, по мнению А. А. Реформатского, «для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия значения». Лексику как систему образует те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей». «Отрицать у слова значение, – отмечает А. А. Реформатский, – никто не собирается, и в очень многих случаях этим и должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру» [Реформатский 1968: 103-125]. С данной позицией не соглашается Д. Н. Шмелев, отмечая, что при всей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетке значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы, игнорируя их номинативную функцию. Примеры, которые приводит А. А. Реформатский, никак не проясняют это, утверждает Д. Н. Шмелев, скорее, как кажется, они подтверждают то, что «сетка значимостей» не может быть обнаружена без учета «значений».

В самом деле, согласно Д. Н. Шмелеву, если «при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (*есть*), а то, что возникает при наличии *есть, вкушать, жрать, шамкать*» [Там же: 119], то ведь для того, чтобы увидеть, как распределен между этими словами некоторый общий смысл, необходимо знать их значения, иначе не будет оснований ни сопоставлять, ни даже объединять их.

Здесь уместно процитировать Л. Вайсгербера, который, обосновывая «закон языкового поля», писал: «Чтобы установить значение, необходимо знать значение целого и место в нем отдельного слова» [Weisgerber 1929: 21].

Следует заметить, что система языка является средством представления, а тем самым и членения мира, континуум в действительности, которая существует независимо от нашего восприятия. Отражение действи-

тельности человеческим сознанием происходит на базе языка, а в каждом конкретном случае – того или иного языка. В процессе отражения язык накладывает на континуум действительности сетку системы, представляет этот континуум через призму своего строения. В силу того, что системы разных языков не совпадают друг с другом, в каждом отдельном языке обнаруживаются особенности представления действительности, обусловленные особенностями строения языка. Поскольку каждый язык отражает весь континуум действительности (имеет средства для его отражения), способ членения этого континуума не может зависеть от строения системы.

Разумеется, степень несовпадения систем разных языков неодинакова – генеалогически (и \или типологически) более близкие языки, естественно имеют больше общего в строении системы языка, чем языки разных групп или семей; ср. например, с одной стороны, русский, таджикский и персидский, с другой – русский и китайский языки. Отдельные принципы построения системы языка, по-видимому, являются общими для всех языков, т.е. присущи языку как особой знаковой системы, являются необходимыми для ее функционирования, независимо от особенностей строения. Эти характеристики языка являются языковыми универсалиями, работа по выявлению которых приобрела значительный размах в последние десятилетия. Показательно, что именно в области лексики возможны значительные расхождения даже в генетически родственных языках – например, русском и таджикском, – а универсалии, связанные с системной организацией лексики, являются областью, в которой белых пятен больше, чем в изучении других ярусов системы языка.

Каждое слово соотносится с тем или иным «кусочком действительности» не в некотором абсолютном виде, а в том виде, в котором он представлен системой данного языка. Каждая точка континуума действительности может получить разные координаты в системах разных языков

[Литвин 1984: 119], и, соответственно, слова, называющие эту точку в разных языках, не абсолютно эквивалентны. Общность элементов членения в каждом данном языке является производным от строения системы языка, от того, каким образом данный язык представляет то или иное «поле» действительности. Вместе с тем, общность элементов членения связана и с отношениями между объектами в таком поле. Это легко показать на примере со словами русского, таджикского и персидского языков: *лицо-лик*; *ру(й)* – *чехра*; عذار – طلعت – رو – رخ – چهره. Отношения между русскими словами *лицо* – *лик* отличны от отношений таджикских *ру(й)* – *чехра*, в то время как в персидском и таджикском языках данные отношения совпадают, за исключением того факта, что персидском языке данное «поле» представлено шире. Слова *ру(й)* – *чехра*; عذار – طلعت – رو – رخ – چهره в таджикском и персидском языках являются членами одной лексической микросистемы в силу того, что соответствующие реальные объекты соположены (смежны) в экстралингвистическом «исходном материале» членения. Отношения между этими словами обусловлены спецификой сетки, т.е. строением системы данного языка, которая представляет их – и формально, и содержательно – как два (и более) отдельных лингвистических объекта, тогда как при другой системе (в другом языке – в данном случае – в русском) двух лингвистических объектов из того же «исходного материала» может не получиться или отношения между ними могут оказаться иными. Ср. например, русские слова *лицо* – *лик*; *лик* + есть *лицо* (трад. поэт.), тогда как *ру(й)* – *чехра* – چهره – رو – رخ вместе образуют то, что соответствует русскому *лицо*; кроме того, сфера употребления слова *лик* уже как по сравнению со словом *лицо*, так и по сравнению со словами *ру(й)* – *чехра* – چهره – رو – رخ; Ср. неестественность русского сочетания *открытый лик* (*открытое лицо*) при полном соответствии норме таджикского сочетания *чехраи кушод* (*руи кушод*).

Представление действительности средствами языка удобно называть денотацией, а абстрактные объекты, являющиеся результатом членения действительности средствами языка, – денотатами. Денотация в таком понимании является конституированием явлений действительности как релевантных лингвистически: само по себе явления действительности, существующие вне и независимо от нашего сознания, не являются лингвистическими объектами. Они суть та база, основа, исходный материал, на который накладывается сетка системы каждого данного языка. Результатом наложения этой сетки на действительность являются денотаты – объекты лингвистические, коль скоро они являются результатом функционирования языка как системы для выполнения своей роли «действительного сознания». По отношению к денотатам реальные (а не лингвистические) объекты – референты – являются «исходным материалом», материальным субстратом. В случае типа *лицо* – *ру(й)-чехра* – رخ – چهره – رو один и тот же реальный объект (часть тела человека) является основой разного количества денотатов в русском и таджикско-персидском языках. Образование денотатов на основе существования реальных объектов связано с выделением набора признаков, свойственного данному денотату в отличие от других денотатов (а нереферентов – явлений другого порядка). Этот набор признаков обычно выделяется как другой лингвистический объект – десигнат. Как десигнат, так и денотат являются объектами лингвистическими и в этом плане противопоставлены референту – объекту (точнее, классу объектов) нелингвистическому, лежащему за пределами языка [Гак 1998: 76].

А. А. Реформатский по этому поводу пишет: «Многие объективно данные системы язык номинативно переводит в свои лингвистические системы, и каждый язык это делает по-разному и по-своему. Таково, например, отражение в лексике системы спектра цветов» [Там же: 106]. И

далее: «В тюркских языках *кек* также соответствует и *синему* и *зеленому* (аналогичное явление наблюдается и в таджикском языке, где *кабуд* соответствует как *синему*, так и *зеленому*), почему возникает затруднение в переводе обозначения знаменитой среднеазиатской реалии как чай: «зеленый» или «синий» чай? Обычно переводят «зеленый чай», но это идет не от языковой систематики, а от того, что растения по-русски принято называть «зелеными», а не «синими». Русскому *синий*, *голубой*, *зеленый* в большинстве европейских языков соответствуют две единицы, и, наоборот, в киргизском языке наряду с «нормальными» с европейской точки зрения *кара* – черный, *сары* – желтый, *кызыл* – красный, *ак* – белый есть как и *синий*, и *зеленый*, и *серый*, – последнее не элемент спектра, но член серии цветовых слов, наряду с такими, как *боз*, *сур* тоже *серый*.

Лингвисту неважно, как это все с точки зрения физики «на самом деле», а то, как оно «разыгрывается» в разных языках, как преломляется и искажается в разных языках [Там же: 110-111].

Однако, на наш взгляд, если лингвисту важно, как «все это разыгрывается» в разных языках, более того, как «преломляется» и искажается, ему, по-видимому, необходимо знать, что же такое «все это» – не с точки зрения физики, а с точки зрения того как это отражено в лексических значениях слов, – такое значение только и дает возможность говорить о переводе с одного языка на другой, о межъязыковых «соответствиях» и т. д.

Другое дело, что определенные значения слова не должны подменяться описанием реалии. В этом плане следует полностью согласиться с А. А. Реформатским. Единственное на что обращает внимание Е. Курилович, это то, что вследствие той фундаментальной особенности лексики, заключающейся в непосредственном обращении ею к внеязыковой действительности, она обязательно реагирует на то, что происходит в мире реалий, в ней отражаются и наши конкретные представления о различных

явлениях внеязыковой действительности. Например, так называемые метафорические переносы значений слов основаны на уподоблении самих реалий, на наших представлениях об особенностях этих реалий, но они отражаются в семантической структуре слова, становясь, таким образом, фактами языка, фактами лексической системы [Курилович: 73].

Лингвист действительно должен принимать во внимание только те реальные признаки, которые являются релевантными с точки зрения семантической структуры слова.

Само отношение к семантическому анализу «конкретной лексики» у разных исследователей далеко не совпадает.

Так, например, Ю. Д. Апресян в числе прочих отличий «современной структурной» семантики от традиционной выделяет и такое: «В задачи традиционной семантики входит описание значений каждого имеющегося в языке слова. При этом обычно не проводится различие между тем, что в некотором языке принадлежит его собственной системе, а что – искусственным языкам наук и других терминологических областей, пользующихся некоторыми средствами данного естественного языка [Апресян 2009: 118-130].

В этом отношении отличие современной семантики от традиционной состоит в том, что первая интересуется значениями далеко не всех слов [Там же: 120].

Однако есть целый ряд исследований самых различных групп лексики, которые представляют несомненный интерес, в той или иной степени дали возможность наметить дальнейшие пути семантического анализа.

Например, компонентный анализ отдельных областей лексики (термины родства и т. д.) был проведен рядом американских ученых [Bendix 1966: 111-190]. Э. Бендикс проанализировал семантическую

структуру группы глаголов (соответствующих значениям *иметь*, *дать*, *взять* и т. д.) в английском, хинди и японском языках и т. д. [Там же: 120]. Из трудов, в которых исследовался материал русского языка, можно назвать работу О. Н. Селиверстовой, посвященную анализу глагола *иметь* и конструкции типа *У меня есть* [Селиверстова 2004: 96]. Автор дает такое описание выбранных для анализа единиц, которое предопределяло бы их употребление в речи и указывает на четыре фактора, определяющих возможность использования значимых единиц в речи: 1) смысловая информация, которая составляет большую часть сведений, сообщаемых о денотате; 2) стилистическая и экспрессивная характеристики; 3) различные «произвольные» ограничения на сочетаемость, не являющиеся следствием ни первого, ни второго факторов; 4) особенности осмысления денотативных классов, характерные для всего языкового коллектива или для больших групп говорящих.

Из сказанного следует, что каждый словесный элемент языка денотирует (имеет денотат) и одновременно обусловлен как внелингвистическими объектами – «исходным материалом» при денотации, – так и системой языка, которая определяет то или иное лингвистическое представление внелингвистических объектов. Ни один из этих кардинальных факторов, обуславливающих содержание языковых знаков, не может быть представлен как детерминирующий по отношению к другому (ср., например, положение о «двойной природе детерминированности» содержания лексических единиц).

Возвращаясь к приведенному выше примеру со словом *лицо*, неверно было бы утверждать, что наличие в таджикском и персидском языках двух и более слов – *ру(й)* и *чехра* – – – обусловлено свойствами называемых объектов, поскольку та же реальность может быть представлена (и действительно представлена) иным способом в других

языках; с другой стороны, лингвистическое представление объекта не определяет свойств последнего, а лишь определенным образом организует (или интерпретирует) свойства, реально объекту присущие. Из этого следует, что при описании свойств языковых знаков, связанных с денотацией, необходимо исходить не из принципа «классической» причинности, а из некоторого иного принципа, который позволил бы отразить эту двоякую обусловленность содержания языковых знаков. Этим иным принципом является принцип дополнительности, сформулированный Н. Бором – вначале как «технический» для атомной физики, а затем и для других наук, особенно тех, объекты которых отличаются «чрезвычайно сложным строением и функциями» [Бор 1961: 18], а потому имеют практически неисчерпаемые скрытые возможности.

Применение принципа дополнительности к изучению явлений языка уже предпринималось в лингвистической литературе. В.А. Звегинцев критически рассматривает попытку такого применения в связи с двухступенчатой теорией фонологии и связывает лингвистическое приложение этого принципа с гипотезой «лингвистической относительности» Сепира – Уорфа и сформулированным Л. Вайсгербером законом обусловленного языком бытия [Звегинцев 1981: 5-32].

Неоднократно упоминает принцип дополнительности в связи с лингвистическими проблемами и Р. Jakobson. Он упоминает этот принцип в связи с различием лингвистического осмысления явлений в зависимости от положения говорящего и слушающего. В процессе общения наличествуют оба пути, и отношения между ними основываются, как сказал бы Н. Бор, на принципе дополнительности [Jakobson 1985: 301-306].

Именно такая трактовка дополнительности в рамках лингвистической теории представляется нам наиболее перспективной. Возможны описания слова, ориентированные как на экстралингвистические факто-

ры, так и на внутрilingвистические, чисто системные связи, соотносимые с денотацией только при глобальном ее понимании как членения действительности средствами языка. При этом объектом является единица языка (в частности, слово), а «измерительным прибором», взаимодействие между которым и объектом «составляет нераздельную часть явления», в одном случае можно считать отношения в языковой системе знаков (т.е. слово рассматривается, «измеряется», исходя из имманентных свойств системы языка), а в другом – отношения в действительности, за пределами языковой системы (т.е. слово рассматривается, измеряется сопоставлением с тем исходным материалом лингвистического членения, которому присущи свои свойства, отличные от свойств системы языка (в нашем случае русского, таджикского и персидского); иными словами, мы имеем дело с разными элементарными понятиями [Будагов, 1971: 30].

Мы исходим из билатеральной концепции знака: слово, как и всякий знак, двусторонне и имеет план выражения и план содержания. План выражения слова «однослоен» – это набор (комплекс) единиц языка, являющихся обобщенным представлением отрезков звучащей речи. План содержания слова сложнее, он «неоднослоен». Знаковая функция слова определяется не только тем, что в действительности есть объект, именуемый этим словом. Она определяется также и той языковой системой, в которую входит слово. Тем способом представления объекта, который задает именно эта система. Содержание слова, таким образом, определяется местом данного слова в системе, его значимостью, которая складывается из множества отношений данного слова к другим словам в разных аспектах и в разных подмножествах. Прежде всего, это такая значимость (точнее – группа значимостей), которая непосредственно определяет собой набор признаков, присущий означаемому данного слова в данной языковой системе, – в результате неодинаковости подмножества, на кото-

рое отражен исходный материал языкового членения. Эту значимость можно определить как результат лексической категоризации, т.е. представления системой данного языка явлений внеязыковой действительности. Будучи производной от структуры данного языка (и микроструктуры определенного участка системы языка), эта значимость соотносима с явлениями внеязыковой действительности, на них ориентирована.

1.2. Периодическая закономерность в иерархии слов

Идея компонентного анализа лексики получила в лингвистике техническое оформление в 60-х годах. С тех пор методика достигла определенного совершенства, но и показала границы применения самой идеи. Оптимистические надежды и планы, основывавшиеся на успехах первых опытов, когда казалось, что описание всей лексики языка с помощью компонентов – это только вопрос времени, уступило место более трезвым оценкам. Стало ясно, что методика хорошо работает только на замкнутых группах слов не слишком большого объема (от десятка до трех сотен слов в экстремальном случае), примером первых может служить ставший классическим анализ Е. А. Найды семантических полей в языке шаманов [Найда 1962: 45-71], причем в зависимости от характера исследуемой группы искажения достигают большой или меньшей величины: «Вообще приходится констатировать, что попытки подвергнуть строгому компонентному анализу какой-либо иной материал (то есть термины родства) оказались не совсем успешными» [Ахманова 1957: 29].

Хотя на сегодня не существует таких описаний, в которых анализу была бы подвергнута вся лексика и выделены компоненты для словаря – минимума в три-четыре тысячи слов, необходимого для коммуникации,

понятие компонента тем не менее вполне справедливо используется как основа систематизации всей лексики. В настоящее время стало общепринятым считать, что в идеале должен существовать такой набор компонентов, на основе которого можно описать значение любого слова в словаре.

Наряду с пониманием компонента как некоего надсловного семантического элемента известна и иная его трактовка, которую Ю. Н. Караулов называет «компонентным аспектом» рассмотрения словаря [Караулов 2002: 64]. В подобном случае в качестве компонентов выступают все единицы правой части, т.е. выхода толкового словаря. Сам словарь является как бы описанием словника, выход рассматривается как описание входа, а единицы этого описания – как компоненты. Предпосылки такого подхода связаны с возможностью в ряде случаев заменять некоторые объекты (в частности, ненаблюдаемые, каким является значение) их описаниями. Вот, например, какие «семантические элементы» (т. е. компоненты) предлагает выделять В. Дорошевский: «*Juhas* в соответствии со словарным определением – это «младший пастух в Татрах и Карпатах». Какие элементы семантического содержания заглавного слова названы в этой дефиниции? Она является определением *лица (пастух)*, исполняющего определенную функцию по отношению к *овцам (пасущего овец)*. В исполнении этой функции занимающего подчиненное положение по отношению к другому человеку (младший) и связанного с определенной территорией (Татрами и Карпатами)» [Дорошевский 1973: 52]. Хотя автор не говорит этого прямо, но фактически в качестве семантических элементов здесь рассматриваются все полнозначные слова, использованные для толкования слова *juhas*.

Таким образом, компонент в этой работе понимается операционально: значение – это отдельная рубрика в толковом словаре, а компонент значения – отдельное слово в этой рубрике. Следовательно, если

слово многозначно, оно имеет несколько рубрик. Сравним дефиниции толковых словарей в русском и таджикском языках для слов *грудь* – *сина*. В 4-х томном словаре русского языка слово *грудь* трехзначно: 1. передняя часть туловища от шеи до живота. 2. молочные железы женщины, образующие две округлые возвышенности на верхней передней части туловища, а также каждая из этих двух желез. 3. верхняя передняя часть рубашки платья.

Для слова *сина* в таджикско-русском словаре зафиксированы следующие значения: 1. грудь. 2. пистон (вымя), в русско-таджикском словаре выделены также компоненты: *туш* (*грудинка*, книжн. *мощь*, *сила* // (о сердце, душе) *дил* 3. (часть одежды) *неш* – передняя часть.

Следовательно, для слова *грудь* в русском языке компонентами его первого значения будут – *часть туловища*; второго – *молочные железы*; для третьего – *часть рубашки*. Компонентами слова *сина* выступают: 1. *грудь*. 2. *пистон* 3. *дил*.

Иная картина наблюдается в персидском языке, где слову *грудь* соответствует целая гамма эквивалентов:

بر – 1. грудь; поясница; бок: بر در گرفتن – *заключать в объятия, обнимать*;

پستان – 1. грудь; соски; 2. вымя, сосцы: کردت پستان – *полнеть (о груди), наливаясь*;

سینه – грудь; грудная клетка;

صدر – 1. передняя часть, край (предмета); 2. начало (чего-л.); 3. грудь; 4. глава; председатель;

قص – 1. анат. грудная кость; 2. редко. грудь;

کش – 1. уст. грудь; 2. подмышка, подмышки; 3. пазуха; 4. объятия.

Следует заметить, что семантические компоненты, их набор и толкование не должны переходить грань восприятия среднего носителя

языка, так как в противном случае утрачивается сама цель данного описания, ориентированного, прежде всего, на человека – носителя языка и пользователя языком.

Понятие «компонентный анализ», как известно, тесно связано с понятием семантическое поле.

В предлагаемом исследовании семантическое поле является ключевым понятием. Существует большое количество научной литературы, посвященной проблеме семантического поля, но мы будем опираться на определение Ю. Д. Апресяна, поскольку оно в большей степени соответствует нашим взглядам: «Словарь языка не является хаотическим нагромождением единиц. Он распадается на некоторое число «полей» объединяющих слово на основе их семантической общности. Каждое семантическое поле характеризуется присущим только данному языку способом членить тот кусок действительности, который он отражает» [Апресян 1995: 67].

Семантическое поле образуется множеством значений, которые имеют хотя бы один общий семантический компонент...

Семантические поля,... образуют незамкнутые и многократно пересекающиеся семантические группировки, любые две из которых связаны, как и отражаемый ими мир вещей, процессов, непрерывной цепью посредствующих семантических звеньев, независимо от того, насколько далеко друг от друга стоят в семантическом пространстве языка эти группировки. Из любого семантического поля, через более или менее длинную цепочку посредствующих звеньев, можно попасть в любое другое поле, так что семантическое пространство языка оказывается в этом смысле непрерывным [Там же: 251-253].

В связи с вышеизложенным, нам кажется более приемлемым использование в качестве материала исследования именно семантическое поле. Однако объем исследовательской работы не позволил описать ана-

лизируемую лексику через позицию в семантическом поле. Поэтому мы ограничиваемся следующим положением: семантическое поле — это совокупность семантически связанных слов.

Необходимым условием принадлежности слова к системе языка является многозначность. Однозначные слова находятся вне системы, поскольку их лексические значения не имеют сигнификативных функций.

В специальных научных трудах выдвинут ряд концепций, направленных на объяснение принципов объединения разных значений в одной структуре. Характерной чертой этих концепций является определение связи между разными значениями, основаниями, на которых построена лексическая многозначность.

Обращает на себя внимание различие методов анализа конкретного материала, применяемых для описания структуры многозначного слова в системе его внутренних связей и отношений.

Основным и общим, по-видимому, является такая схема построения многозначности, в которой выделяется «основное», «исходное», «первичное» и значение «производное», «вторичное» и т. д.

Сложность каждой из концепций, исключает сколько-нибудь полное изложение их в нашей работе. Мы ограничились лишь рассмотрением отдельных положений теории многозначности. К таким положениям относятся имеющиеся точки зрения именно на характер связи между разными значениями многозначного слова. «Между значениями многозначного слова существует определенная семантическая связь», что дает основание считать их значениями одного и того же слова в отличие от значений слов-омонимов. Эта связь может основываться на том, что в значении обнаруживаются общие семантические элементы [Шмелев 1973: 28].

Известный русский лингвист А. А. Потебня в своей работе «Из записок по русской грамматике» изложил свой взгляд на явление много-

значности в языке. Его трактовка в некотором смысле противоположна традиционной, он говорит: «действительная жизнь всякого слова совершается в речи». Говоря «пять верст», я разумею под верст не ряд, не возраст и пр., а только меру расстояния. Слово в речи каждый раз соответствует одному акту мысли, а не нескольким, т.е. каждый раз, как произносится или понимается, имеет не более одного значения [Потебня 1958: 57]. И далее он пишет: «Таким образом, пользуясь выражением «многозначность слова, как множеством других неточных выражений, сделаем это выражением безвредным для точности мысли, если будем знать, что на деле есть только однозвучность различных слов, то есть то свойство, что различные слова могут иметь одни и те же звуки». Однозвучность эта частью оправдывается единством происхождения слов, частью же происходит от уравнивающего действия звуковых стремлений языка, действия, в общем имеющего психическое основание, но независимого от особенности значения слова. Откуда бы не происходила родственная связь однозвучных слов, слова эти относятся друг к другу, как предыдущие и последующие. Без первых не были бы возможны последние.

Обыкновенно это называется развитием значений слова из одного основного значения, но, согласно со сказанным выше, собственно это можно назвать только появлением целого слова, то есть соединения членораздельного звука и одного значения, из слова предыдущего [Там же: 34-45].

Признание семантической связи между значениями многозначного слова предполагает у этих значений наличие иерархической структуры, под которой понимается отношение включения нескольких понятий в одно общее понятие. Применительно к структуре многозначного слова общее понятие обозначается терминами: «общее значение», «общий семантический момент», «общий семантический стержень», «общий семантический

признак». Называемое под разными терминами общее понятие является абстракцией, выводимой из совокупности отдельных значений слова.

Существует противоположная точка зрения, отрицающая возможность сведения отдельных значений многозначного слова к общему значению [Курилович 1995: 73-81].

В свою очередь, Д. Н. Шмелев считает, что в семантической структуре ряда слов трудно выделить исходное, основное значение, считая другие его значения переносными. В них можно видеть последовательное обозначение целого по части, однако соотношение соответствующих значений для современного русского языка не представляющих значений не представляется односторонними. Это такие слова, как *земля, буря, вихрь, поток* и т. д. [Шмелев: 125]. «Но такого рода факты, – считает Д. Н. Шмелев, – показывают, что концепция «общего лексического значения» не является совершенно необоснованной».

Эти точки зрения не решают структурной организации значений внутри многозначного слова.

Семантическая структура слова не остается неизменной. Некоторые значения слова появляются, другие с течением времени исчезают. Появление нового значения в одном слове неизбежно влечет за собой изменения других, связанных с ним слов, поскольку в лексико-семантической системе все взаимосвязано. В результате изменяется соотношение между значениями слова: первичные значения ряда слов вытесняются переносными, значения отдельных слов, которые в настоящее время воспринимаются как переносные, могут оказаться первичными с исторической точки зрения.

Перераспределение значений в слове, изменение их соотношений, лишний раз подтверждает тот факт, что совокупность значений слова всегда характеризуется определенной организацией (структурой).

Мысль о том, что все значения многозначных слов в сопоставляемых языках обусловлены контекстом, никем не оспаривается, но это не значит, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени.

Непосредственное отношение к механизму функционирования слова в речи имеет многообразие функций речевого высказывания. Мы исходим из описания этих функций в работах Р. Якобсона [Якобсон 1985: 301-306]. В соответствии с выделением шести факторов, связанных с вербальной коммуникацией – адресанта, адресата, контакта, кода, контекста (в терминологии Р. Якобсона, контекст – это все то, что лежит за пределами коммуникации) и сообщения, – выделяются шесть разных функций языка в его речевой манифестации, т.е. функций речевого высказывания. Установка на адресанта есть функция эмотивная, установка на адресата – конативная, на код – метаязыковая, на контакт – фатическая, на контекст – референционная. Установку на сообщение как таковое, сосредоточие на сообщении в отвлечении от остальных факторов Р. Якобсон называет поэтической функцией. Этот термин вызывает возражения ряда исследователей. О. С. Ахманова предлагает называть эту функцию мета-семиотической, исходя из того, что та или иная форма сообщения обеспечивает выражение некоего места содержания – намерения (*meta purport*) [Ахманова 1957: 95].

Целесообразно в связи с этим остановиться на понятии метасемиотического по отношению к явлениям языка и речи.

Знаковый (семиотический) характер языка признан в современном языкознании одной из основных характеристик языковой системы. Существенным для функционирования языка является наличие в нем двусторонних единиц, в которых определенному выражению соответствует закрепленное данной системой идеальное содержание.

Таким образом, язык предстает как семиотическая система. Но это не исключает возможности и такого использования языка, при котором содержание и выражение становится (в целом, совокупно) либо содержанием для нового (мета) выражения, либо выражением для нового (мета) содержания» [Ахманова 1969: 60]. Такое использование и называют метасемиотическим [Бархударов 1957: 31-45].

Метасемиотические явления могут быть как языковыми, т. е., характеризующими отношения в самой системе, так и речевыми, т. е., связанными с различного рода задачами, выполняемыми языком при его функционировании.

В рамках каждого национального языка метасемиотический характер имеют стилистические оппозиции, составляющие в совокупности предмет стилистики языка («или структурной стилистики») [Виноградов 1963: 53].

Информация о внеязыковых явлениях передается в этом случае с помощью системы, в которой в качестве единиц выражения используются слова, т.е. двусторонние единицы языка [Степанов 2001: 91]. Это метасемиотическое явление кодировано в самой системе языка: тем самым слова как единицы языкового кода имеют «двухъярусное» содержание – как семиотического, так и метасемиотического порядка. В этом отличие стилистических характеристик слова, носящих метасемиотический характер, от лексической многозначности – явления «первичной» семиотической природы [Бор: 34]. Так, например, в русском языке наличие у слова *лиса* минимум двух значений – *животное* и *хитрый человек* – не есть метасемиотическое явление, так как при передаче содержания *хитрый человек* не используется слово *лиса* с имеющимся у него содержанием, или в таджикском и персидском языках слово *гов* – *корова* также имеет два значения *животное* и перен. прост. *Зани дагал ва беакл – глупая женщина*;

کاو نه‌م‌شیر ده – корова, дающая девять манов молока (о человеке, у которого один недостаток сводит на нет все его достоинства). Комплекс единиц плана выражения закреплён в языке для передачи как одного, так и другого содержания. Речь идёт об обсуждении разных вариантов содержания при одном выражении. Стилистическая же принадлежность слов *лиса*, *гов-* کاو – *корова* и дополнительное содержание, выражаемое ими в силу этой принадлежности, по сравнению с сочетаниями *хитрый человек*, *зани дагал ва беакл* – *глупая женщина* – явление метасемиотическое, именно в силу использования слова как единства звучания и значения для передачи иного, дополнительного содержания.

Содержание как семиотического, так и метасемиотического ярусов есть знаковое содержание, и положение о его сложности остаётся верным. Это означает, с одной стороны, что на каждом ярусе содержания различаются разные компоненты знакового содержания. Метасемиотическая семантика – это означаемое нового метазнака (например, «грубость говорящего, желание оскорбить» у слова *морда*, в таджикском языке «*нофахм*, *нодон* – *тупица*, *бестолковый* у слова *кур* – *слепой* или в персидском). Метасемиотическая синтактика – отношение данного знака к другим знакам той же метасистемы, т. е. метасемиотическая сочетаемость (ср., например, соотношение обращения и заключения русских писем: *Уважаемый господин! С уважением* и т. д.). Метасемиотическая значимость по выражению может быть иллюстрирована нормами благозвучия, разными в разных языках.

С другой стороны, каждый из компонентов содержания знака может быть представлен как двухъярусный. Соответственно, следует различать семиотическую и метасемиотическую семантику слова (более обычно принято представлять такое разграничение в терминах «денотативное» – «коннотативное»).

Условием возникновения метасемиотических явлений при речевой манифестации системы языка можно считать наличие в речевом высказывании «сверхзадачи»; определяющей новое содержание, добавочное по отношению к языковому содержанию слов, из которых строится высказывание. Средствами выражения этого добавочного содержания являются слова и их сочетания, т. е. двусторонние (знаковые) единицы языка.

Следует заметить, что слово как средство выражения метасемиотического содержания (содержания второго яруса), участвуя в метасемиотическом явлении, сохраняет свое семиотическое содержание (содержание первого яруса) в разной степени, в зависимости от релевантности последнего в акте метасемиосиса.

М. Риффатерр, не отвергая существа определения Р. Якобсона, предлагает называть эту функцию «стилистической» [Литвин 1984: 119], поскольку, по его мнению, название «поэтическая» предполагает выбор объекта анализа в соответствии с эстетическими суждениями. Такую терминологическую поправку нельзя считать оправданной. Всякое использование уже существующего термина для заново описываемого аспекта языковых явлений чревато нежелательными для однозначности термина ассоциациями. Поэтому такому «заимствованию термина» имеет смысл противопоставить употребление нового термина, что в свою очередь может вызвать возражения – обилие терминологических инноваций не без основания рассматривается многими лингвистами как нежелательное и может считаться оправданным только в тех крайних случаях, когда ни один из существующих терминов действительно не может быть использован исследователем.

В дальнейшем изложении мы будем использовать предложенный Р. Якобсоном термин «поэтическая функция», признавая неудобство связанных с ним коннотаций. Вслед за Р. Якобсоном, мы отнюдь не отожд-

дествляем поэтическую функцию речевого высказывания с поэзией, а изучение этой функции с поэтикой, воспринимая этот термин как название вполне определенного явления, а именно такой функции речевого высказывания, при которой основным фактором оказывается само сообщение как таковое. Эта функция может исследоваться на различном материале – как на материале собственно поэтических, так и других текстов – художественных или нехудожественных.

Однако поэтическая функция не может вытеснить собой всех остальных, сообщение не может является самоцелью в акте общения. Нельзя не согласиться с мнением о том, что полное пренебрежение коммуникативной функцией языка лишает высказывание языкового статуса вообще, как это происходит в крайних случаях модернистской поэзии [Степанов 1997: 82].

Можно считать вполне оправданным выделение именно референционной функции как представляющей собой *raison detre* большинства речевых высказываний: «Функция человеческой речи необычайно многообразна, но, по-видимому, для того, чтобы обеспечить нормальное развитие вычислительной лингвистики и вообще приблизиться к решению основных проблем человеческого общения, необходимо все эти функции разделить на следующие две неравные части: а) собственно интеллективную функцию (она также называется коммуникативной или функцией собственно сообщения) и б) все остальное. «Все остальное» в этом контексте воспринимается как «остальные функции» в той мере, в какой они противопоставлены онтологически центральной функции. Дело в том, что код как один из факторов акта общения может рассматриваться и как объект, отражаемый своими же средствами. В качестве объекта он несомненно является сферой (областью, участком, отрезком) действительности в ее противопоставленности языку как средству отражения этой дей-

ствительности. С такой «двуликостью» языкового кода связаны и упоминавшиеся уже трудности, вызванные проблемой метаязыка лингвистики, – трудности, во многом обусловленные тем, что объект лингвистики в своем реальном существовании неотделим от ее метаязыка, от системы средств отображения и описания этого объекта.

Любая лингвистическая работа посвящена описанию тех или иных сторон языкового кода, но мы не рассматриваем ее как ориентированную на код, поскольку различаем код, ставший референтом («контекстом» в терминологии Р. Якобсона), и код, являющийся средством соотнесения сообщения с контекстом.

Каждый из остальных факторов может в определенной ситуации стать референтом, соотнесение с которым является целью сообщения. Но возможно и иное: когда, не становясь собственно основой сообщения, эти факторы накладываются на понятийное (когнитивное) содержание сообщения. Это и есть та «ориентация», которой определяется функция данного высказывания, в любом случае имеющего своей целью передать некоторую информацию в процессе акта общения. Выделяя референционную функцию как основу высказывания, мы имеем в виду ее регулярную связь с семантикой слова как единицы языка, те свойства слов, благодаря которым слова являются средством называния референтов в конкретных ситуациях речевого общения.

Традиционное деление значений слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе «По-нашему мнению, – писал польский лингвист Е. Курилович, – самое важное – главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляет еще и элементы контекста» [Курилович 1995: 73-81].

Такое определение в общих чертах определяет пути для разрешения вопроса о «иерархии значений». В главном значении слова, конечно, следует видеть не какое-то общее значение, а именно такое, которое наиболее обусловлено и парадигматически и синтагматически.

Как уже отмечалось выше, многозначные слова имеют прямые и переносные значения. Исследование материала в ходе работы показало, что так называемый «перенос» не всегда присутствует при порождении переносного значения. По этой причине мы избегали термина «переносные значения», а использовали его более нейтральные синонимы – вторичное, новое, контекстуально – связанное значение.

Механизм образования вторичных значений может быть выявлен в результате компонентного и функционального анализа. Для успешного применения компонентного анализа необходимо обратиться к теории семантической структуры значений слов, которая была представлена в работах русских и зарубежных лингвистов (У. Вейнрейх, Дж. Катц, К. Д. Лекомцев, Ю. Н. Караулов).

Основной единицей содержания является лексико-семантический вариант слова – это слово употребляется в предложении. Слово используется нами и, следовательно, функционирует только в предложении в определенном контексте. Следовательно, лексико-семантический вариант – это слово, употребляемое в конкретном предложении и имеющее конкретный смысл. Таким образом, получается, что слово является вторичным по отношению к предложению. В языке существует множество идиоматизированных предложений.

1.3. Компонентный анализ значения слова: механизм компонентного фильтра (операция порождения)

В основе метода компонентного анализа лежит тезис о том, что значение слова – это упорядоченная структура множества элементарных единиц (семантических множителей, сем, дифференцирующих единиц). Этот тезис нашел отражение в трудах родоначальников метода компонентного анализа – представителей американской школы У. Гуденафа и Ф. Лаунсбери, которые эффективно продемонстрировали применение этого метода на тематической группе терминов родства. У. Гуденаф использовал следующую методику поэтапного компонентного анализа слов одного тематического ряда. На первом этапе проводится инвентаризация определенного тематического ряда, далее проводится разложение морфологически сложных образований на части (корневые слова), затем определяются значения членов полученного ряда, и, наконец, происходит аналитическая буквенная запись результатов [Lounsbury 1964: 178].

Возможности компонентного анализа также широко демонстрировались российскими лингвистами. И. В. Арнольд предложила методику компонентного анализа, основанного исключительно на словарных дефинициях отдельных слов [Арнольд 2011: 38]. О. С. Ахманова, проводя компонентный анализ английских глаголов движения, выявляла дифференцирующие компоненты их значений по следующим аспектам: направленность движения, скорость, характер, зависимость характера движения от положения наблюдателя [Ахманова: 12-17].

Компоненты значений слов, выявляемые в процессе анализа, исследователи иногда называют по-разному, но, в сущности, они означают

одно и то же. Это «дифференциальный признак» [Соссюр 2004: 29], «фигура содержания» [Ельмслев 1962: 117-136], «семантический множитель» [Апресян 1967: 25], «семантический маркер» и «дистингвишер» [Болинджер 1981: 200-234], «сема» [Скаличка 1966: 2-30]. О. С. Ахманова определяет сему как минимальную, предельную составляющую плана содержания, как операциональную единицу компонентного анализа, проводимого при исследовании семантических полей и лексико-семантических вариантов слов для установления их сходств и различий [Ахманова: 78].

Наряду с выделением семантических компонентов в словарных дефинициях исследуемых лексических единиц И. В. Арнольд рассматривает их типологию и противопоставляет актуализируемые и потенциальные семы, маркеры и дистингвишеры (гипер- и гипосемы), денотативные и коннотативные семы, узуальные иokkaзиональные семы. Под архисемой она понимает сему со значением части речи. Семы (семантические компоненты) могут быть интегральными и дифференциальными, ядерными и периферийными.

Под компонентным анализом в данном исследовании вслед за О. Н. Селиверстовой понимается следующее: «Процедура расщепления значения на составные части, вычленение которых обусловлено как соотношением элементов внутри отдельного значения (наличие более общих и более частных элементов, т. е. иерархичность организации), так и соотношением этого значения со значениями других языковых единиц (совпадение или нейтрализация элементов верхних уровней и совпадение дифференцирующих признаков нижних уровней) [Селиверстова 2004: 96].

Основными вопросами в рамках компонентного анализа, требующими решения, являются, на наш взгляд, следующие: 1) что представляет собой компонент лексического значения в его отношении с языковыми единицами; каков его онтологический статус?; 2) существуют ли

универсальные единые принципы его выделения и проверки правильности такого выделения?; 3) каковы правила именования элементов значения и их интерпретации?; 4) какова иерархия (парадигматическая или линейная) семантических компонентов: а) внутри той группы, для которой они установлены и б) на всем массиве компонентов для данного языка?; 5) каков количественный состав минимальных смысловых единиц внутри семемы, лексико-семантической группы, словаря в целом?; 6) как соотносятся компоненты значения разных лексико-семантических групп, разных языков?

В основе компонентного анализа, как он толкуется в работах американских лингвистов (Дж. Катца, Дж. Фодора, У. Гуденафа, Ф. Лаунсбери, У. Вейнрейха, Д. Болинджера и др.), лежит три главных принципа: 1) описание значений словарного состава естественных языков через посредство конечного набора элементарных семантических единиц, или компонентов, 2) представление этих компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и 3) интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого интеллекта [Звегинцев 1981: 5-32]. Но нередко в работах по компонентному анализу используются не все названные принципы, а только два: 1) значение каждого слова состоит из набора минимальных смысловых элементов; 2) весь словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа этих единиц. С одной стороны, семантические компоненты, как и значение в целом, являются одноплановыми единицами, которые по самой своей природе и по определению идеальны. С другой стороны, эти единицы не являются и абстракциями, чистым порождением человеческого ума, не представляющим самостоятельной сущности, а расцениваются как «воплощение объективной реальности языка, вполне

реальные, конкретные единицы содержания» [Бережан 1982: 58-66]. Семантический компонент, как и значение в целом, не функционирует автономно, а лишь в составе слова как двуплановой единицы языка. Каждая семема (т. е. внутреннее содержание языкового знака) состоит как минимум из двух сем. Следовательно, семантический компонент является более абстрактным по сравнению с лексическим значением в целом и универсальным в том смысле, что один и тот же компонент входит в значения разных слов.

Само определение семантического компонента претерпело значительные изменения, но в большинстве определений указывается его элементарность (т. е. дальнейшая неразложимость на более мелкие единицы), одноплановость (т. е. принадлежность лишь к плану содержания), а также универсальность.

Одним из основных и едва ли не самых сложных вопросов компонентного анализа является вопрос о методических принципах выделения минимальных смысловых элементов. Во всей массе работ по компонентному анализу можно наметить несколько основных путей решения этого вопроса. Некоторые исследователи при установлении семантических компонентов используют определения значений слов в толковых словарях (А. В. Посох, В. Ф. Улько, Д. А. Буслаев). Отмечая плодотворность использования словарных дефиниций на начальном этапе анализа, большинство лингвистов считает, однако, этот прием недостаточным. Другой методический принцип сводит процедуру выделения компонентов значения к попарному сравнению лексем [Кузнецов 1971: 68-93]. Иногда используется методика, основанная на анализе сочетаемости и смысловых связей слов в тексте [Гриневич 1975: 49-61]. Н. И. Толстой говорит о том, что сема устанавливается путем вычитания одной семемы

на другой (так из семемы «молодой сосновый лес») выделяются семы «молодой», «сосновый») [Толстой 1968: 65].

О. Н. Селиверстова считает, что «выделение значения из наблюдаемых фактов употребления может быть осуществлено с помощью того метода исследования, который в философии называется гипотетико-дедуктивным. В общем виде эта процедура исследования разделяется на четыре основных этапа: 1) сбор фактов и их индуктивное обобщение; 2) выдвижение теории в виде гипотезы для их объяснения и уточнение ее в сопоставлении и частном противопоставлении с существующими теориями; 3) выводение дедуктивным путем различных следствий из выдвинутой теории; 4) проверка теории путем сопоставления с фактами дедуктивно полученных следствий [Селиверстова 2004: 60].

Среди работ по компонентному анализу есть и такие, которые специально были посвящены методическим вопросам выделения компонентов или в которых делаются попытки классификации различных подходов и принципов компонентного анализа (Т. П. Ломтев, Э. В. Кузнецова, Н. Г. Долгих, Г. В. Степанова).

На протяжении истории развития метода для наименования смысловых единиц использовались (как было указано выше) использовались различные термины: «дифференциальный признак», «дифференциальный элемент значения», «фигура содержания», «семантический множитель», «семантический примитив», «семантический маркер» и др. Н. Г. Долгих использует термин «компонент значения», считая его наиболее удобным, Дж. Лайонз говорит о «семантическом компоненте», а Л.А. Новиков отдает предпочтение термину «сема» [Новиков: 123].

На наш взгляд, термин «сема» более удобен, если только он адекватно отражает сущность обозначаемой единицы. Дело в том, что иногда понятия семантического признака и семантического компонента разгра-

ничиваются, и различаются, с одной стороны, признаки, с другой – их компоненты [Путягин 1973: 74-77].

Метод, применяемый в данном исследовании, ориентирован на установление семантической структуры значений, т. е. на определение сем (их понятийного содержания) и роли каждой семы в структуре значения. Роль каждой семы определяет реляционный каркас структуры значения. Таким образом, семантическая структура значения лексической единицы содержит два вида признаков, семантические и реляционные (семы и релемы). Релемы составляют конечный и четко ограниченный набор дифференциальных признаков, специфичный для каждого конкретного языка и определяемый его лексико-грамматической структурой и категоризацией. «Каждая сема представляет собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присущих денотату, либо приписываемых ему данной языковой средой и, следовательно, являющихся объективными по отношению к каждому говорящему» [Гак 1998: 64].

Представление лексического значения не в виде пучка, или конгломерата сем, а в виде структуры ставит вопрос об отношениях между семами, способах их репродукции и опирается на идею иерархической организации сем в составе значения лексической единицы. Привлекательной в этом смысле является мысль У. Вайнрайха об аналогичности строения внутренней структуры отдельного значения слова и синтаксической структуры предложения и словосочетания.

При компонентном анализе больших массивов лексики удобно опираться на дефиниции толковых словарей. Словарная дефиниция представляет собой фразу, организованную по законам грамматики описываемого языка и эквивалентную значению лексической единицы. Это – перифраз значения. Способность к перефразированию основана на внутреннем свойстве языка, обладающего целым арсеналом средств, позво-

ляющих выразить одно и то же мыслительное содержание разными способами при сохранении его объема. В идеальном случае перифрастическая дефиниция строится на основе гиперонима, выполняющего роль идентификатора некоторой группы лексических единиц. Слово-идентификатор занимает доминирующую позицию во фразе-дефиниции. Другие компоненты дефиниции, представляющие дистинктивные признаки описываемого значения, занимают зависимую от доминанты синтаксическую позицию. Так как значение семы-доминанты (идентификатора) тоже может быть перифразировано, то перифраз значения представлен в виде набора компонентов слова-идентификатора плюс дифференциальные компоненты.

Следует заметить, что опора на дефиниции толковых словарей дает несколько преимуществ. Во-первых, при перефразировании и семантическом развертывании не исключается ни один компонент дефиниции, реально встретившийся в лексикографическом толковании, во-вторых, обеспечивается возможность распознавания тождеств и различий смысловых структур значений лексических единиц на основе тождеств и различий их перифразов, в-третьих, позволяет оперировать очень большими массивами лексических единиц вплоть до словаря, практически словарем в целом.

Компоненты слова имеют разную значимость, так как у них различный семантический статус. В структуре значения слова обычно одна из сем является центральной, главной, она называется доминантой, которая передает основной признак слова. Например, в слове *отец – падар* есть следующие компоненты:

- 1) мужчина – мард [РТС 1985: 500]
- 2) родитель – /уст. обл./ падар, волид [РТС 1985: 973]
- 3) возраст – син, сол, синну сол [РТС 1985: 117].

Компонент *родитель – падар, волид* является доминантой. Остальные компоненты – дифференциальные.

Во вторичных значениях почти всегда появляется контекстуальный компонент, появляющийся в определенном контексте и являющийся определяющим для смысла слова.

В поэзии очень часто контекстуальные компоненты основываются на какой-либо ассоциации, связанной с обозначаемым предметом или явлением, и возникающей в определенных ситуациях употребления слова. В словосочетании «*несытые взгляды*» компонент «*жадный*» является контекстуальным и доминантным. *Как я знаю эти упорные, насытые взгляды твои* [Ахматова: 63].

Так и в словосочетании таджикского языка «*нигохи бениез*» – компонент «*счастливый*» (в данном случае «*счастливый взгляд*») является доминирующим.

Бепардаву тифлона оташбози мехоход,

Бо нигохи бениезу сарди поиз [Гулрухсор: 175.

Или в персидском языке – *چشمش محک است* – а) у него пронизательный взгляд, он видит насквозь; б) у него верный глаз, где компонент «*острый*» является доминирующим.

Доминанта основывается на зрительной ассоциации. Контекстуальные семы определяются с учетом их связи с другими словами в предложении.

Согласно теории Л. Ельмслева о языке, возникновение вторичного значения в модели описывается в результате указания перечня компонентов, выбора из них элементов первичного и вторичного значения и приписывания им функции детерминации, интердепенции и констелляции.

Исходный принцип исследовательской работы следующий: для описания механизма переноса в сопоставляемых языках, первичные и

вторичные значения слов раскладывались на компоненты. При сопоставлении первичного и вторичного значения было выделено три уровня: предикативный (глагол), номинативный (существительные) и атрибутивный (прилагательные). Каждый из которых имеет свою степень абстракции. Для удобства при разложении слов на компоненты обращаемся к индексации компонентов. При метафорическом переносе индексом А обозначаются компоненты переноса независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексом В обозначаются элементы усечения независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексом С обозначаются элементы распространения вторичного значения, также независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней.

При метонимическом переносе индексом А обозначаются элементы переноса независимо от их принадлежности к какому-либо из трех уровней. Индексами В и С обозначаются элементы усечения или распространения вторичного значения в зависимости от типа порождения.

Модель образования вторичного значения имеет характер генератора. На входе в модель задаются компоненты первичного значения, также представленные их компонентами и функциями.

Образование вторичного значения посредством «языковой метафоры» можно продемонстрировать на примере лексемы *сердце – дил – دل*

Рассмотрим семантические множители в русском языке на словарных дефинициях в БАС:

1. *сердце* – центральный орган кровообращения

А – центральный

В – орган кровообращения

2. *сердце* – важнейшая, центральная часть; средоточие чего-либо (города...)

А – центральный, важнейший

С – средоточие

Задаются функции / - / – детерминация

/ +/ – констелляция

Ø – индекс для обозначения усечения элементов В в новом значении

Модель получает вид:

$$AB - \dot{O} + A + C$$

Функция детерминации обуславливает трансплантацию элементов А во вторичное значение и операцию цикла над элементом С. Функция констелляции объединяет элементы вторичного значения в единство, дает команду на распространение элемента А элементам С, усечения элемента В.

Если сопоставить толкования слова «сердце» с таджикским и персидским «дил – دل », данное в Словарях, картине представляется несколько иначе:

1. дил – орган кровообращения (в виде мышечного мешка)

А – орган кровообращения

В – мышечный мешок

2. пер. дарун – внутренность, дохил – входящий, миени чизе – центр чего-либо

А – внутренность

С – центр

3. пер. ботин – внутренний, сокровенный, хотир – память, чон – душа,

рух – дух

А – сокровенный

С – память

С² – душа

1. пер. *фикр* – мысль, *андеша* – идея, мысль

A – мысль

C – Ø

5. пер. *майл* – склонность, желание, *хохиш* – желание, просьба,

хавас – желание, охота

A – склонность

C – желание

6. пер. *дилбар* – очаровательная, пленительная, *ер* – друг, возлюбленный, *махбуба* – возлюбленная

A – очаровательная

C¹ – друг

C² – возлюбленная

1. **دل** *дил* – орган кровообращения (в виде мышечного мешка)

A – орган кровообращения

B – мышечный мешок

2. A – сердце

C – душа: **دل سخت** – жестокое, каменное сердце; **دل نازک** – нежная, чувствительная душа;

3. A – желудок; живот; чрево;

B – **دل و جگر** – сердце и печень; потроха, ливер;

1. A – **دل** – сердце;

C – храбрость, отвага, мужество; доблесть; сила духа:

هر در کار دل لازم است – в любом деле нужна смелость;

2. A – **دل** – сердце

С – середина: *دل شب* – полночь; *در دل شب* – в полночь, глубокой ночью, поздно ночью.

Поэлементный анализ в русском языке первого и второго значения лексемы *сердце* и функций элементов в первичном и вторичном значении показывает, что семантические множители первого значения: *сердце* – *орган кровообращения* – являются постоянными, а компоненты вторичного значения: *центр, главная часть* – переменными. В таджикском языке постоянным является компонент – *орган кровообращения*, а переменными – семантические множители: *внутренность, центр, сокровенный, память, душа, мысль, склонность, желание, очаровательная, друг, возлюбленная*. В персидском постоянные – *орган кровообращения, желудок, живот, чрево*, переменные – *храбрость, отвага, мужество, доблесть, сила духа, середина*.

Следовательно, функции между постоянной и переменными – констелляция, а между постоянными – интердепеденция.

Перенесение элемента (и его части) из одного значения в другое, вслед за Ю. К. Карауловым, мы назовем операцией трансплантации, распространение этих элементов, можно сказать, что оно как было выявлено в ходе анализа, играет такую же роль, как и операции трансплантации и цикла, так как в некоторых случаях одна эта операция приводит к порождению нового слова. При этом усекается уровень компонентов с конкретным значением, оставшиеся компоненты имеют более абстрактные значения и, как правило, обозначают класс каких-либо предметов.

На основе анализа первичных и вторичных значений слов, можно утверждать, что семантические связи внутри многозначного слова организуют системность лексики, которая отчетливее всего проявляется на уровне одного слова. Но при этом необходимо учитывать, что характер внутрисловных семантических связей в языках неодинаково. Многознач-

ность, можно сказать, является одним из ярких признаков национальной самобытности лексики. В этом случае лингвисты говорят уже не просто о полисемии, а о ее законах: «Многозначность слов естественных языков народов мира – это одна из важнейших особенностей их лексики» [Будогов 1963: 30].

Именно поэтому следует говорить о законе многозначности слова, т. е. о законе лексической полисемии. Изучение этого закона дает, в частности, возможность активно использовать потенциальные свойства слова при переводе с одного языка на другой, т. е. при выявлении межъязыковых семантических соответствий.

Как было отмечено выше, семантические структуры многозначных слов в русском и таджикско-персидском языках не позволяют сопоставлять лексические единицы с общей тематикой на одинаковых уровнях. Основной задачей исследования, таким образом, является представление лексики сопоставляемых языков как системы, т.е. как организованного множества слов. Для того чтобы представить лексику как систему, надо: а) реконструировать отраженную в нем наивную модель мира, б) выделить в соответствии с этой моделью все имеющиеся в лексике лексикографические типы, в) указать, результатом какой комбинации типов является непосредственный объект описания, в нашем случае многозначное слово. Сказанное, конечно, не исключает установки на достаточную полноту описания индивидуальных свойств всех многозначных единиц.

Очевидно, что решение такой задачи должно принять форму относительно полного словаря. Максимум того, что можно сделать в одном исследовании, – это создать импрессионистическое представление о программе систематического описания сопоставительной лексики с помощью одного характерного примера. В качестве такого примера мы рассмотрели некоторые лексемы, входящие в семантическое поле «Человек».

Данный материал приобретает дополнительный интерес в связи с тем, что он относительно хорошо изучен. Мы ограничились разбором немногих фактов русского и таджикского языков, но подчеркнем, что в данных языках много сходных и отличительных черт.

Сходство сравниваемых языков при анализе многозначных слов проявляется в первую очередь при сравнении словарных статей в обычных толковых словарях. Значения в них в самых общих чертах упорядочиваются следующим образом. Сначала идут прямые значения, затем разного рода производные и переносные, а в конце – фразеологически связанные. Это наглядно было проиллюстрировано нами на примере существительных *сердце – дил*. Известно, что метафоризация и фразеологизация часто основаны на снятии каких-то семантических компонентов прямых значений, в которых велика доля ассертивных частей. С другой стороны, этот процесс сопровождается наращиванием тонких слоев смысла. В результате к концу словарной статьи оказываются сосредоточенными значения, которые уже не отличаются от значений некоторых других многозначных слов грубыми и очевидными ассертивными компонентами, но зато могут отличаться от них более тонкими пресуппозитивными, оценочными и другими компонентами.

Следует заметить, что степень семантической общности значений многозначного слова, которые реализуются в тексте одновременно, чрезвычайно различна. Здесь представлена широкая шкала, от языковой носимости до значений, не имеющих общих семантических элементов.

1) Наиболее распространенным является наличие общей семантической части у совмещающихся значений. Эта общая семантическая часть либо (а) непосредственно зафиксирована в словарных толкованиях, либо (б) может быть получена с помощью операций типа «трансформации объяснения» [Литвин 1984: 53-56], либо (в) может явиться ре-

зультатом переформулирования словарных толкований для выявления семантической общности.

А) Исходя из данных привлеченных нами словарей, можно считать словарно зафиксированной общность значений в таких случаях, как например: существительные *лицо* – *чехра* – چهره в русском и таджикско-персидском языках в следующих сочетаниях: в русском языке *частное лицо*, *исторические лица*. Следует заметить, что в таджикском и персидском языках слово *чехра* – چهره – *лицо* не обладают значением *отдельный человек в обществе, индивидуум*. Эквивалентом данного значения выступает слово *шахс* – شخص – *лицо*. Например, *шахси расми* – *официальное лицо*, или *شخص وحق قی* – *юридическое лицо*. Для слова *чехра* словарно зафиксированным является значение 1) *симо* – *облик, образ, вид*; *манзара* – *панорама, намуд* – *внешность, например, чехраи бог* – *панорама сада*.

Б) Поскольку в существующих словарях эксплицитно не ставится задача отразить семантическую общность описываемых единиц в составе единиц описания, выявление этой общности на основе словарных дефиниций может быть достигнуто с помощью раскрытия значений слов, входящих в дефиниции, на основе данных того же словаря. При этом важно заметить, что в сравниваемых языках выявление этой общности проявляется по-разному.

Так, в словарных дефинициях разных значений существительного *рука* в русском языке нет общих элементов: 1. употребляется как символ орудия труда человека, а также как символ самого труда, деятельности человека; 2. манера письма, почерк // манера творчества, Создания чего-л. 3. употребляется в значении: работники, люди, выполняющие какую-л. работу. Далее находим – *труд* = *работа* = *деятельность*; *творчество* – *создание*. Таким образом, ступенчатый анализ обнаруживает об-

щий элемент в структуре трех значений, словарные дефиниции которых не содержат этого общего элемента.

Иное соотношение значений обнаруживается у слов *даст* – دست – *рука* при сравнении словарных дефиниций. Общеизвестно, что значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе общих семантических ассоциаций (метафора, метонимия, функциональная общность). Однако именно характер этих отношений не позволяет усматривать в слове какое-то «общее значение», а его применение для отображения разных явлений действительности расценивать как некое варьирование этого «общего значения». Так, в словарных дефинициях разных значений существительных *даст* – دست, как и у существительного *рука* нет общих элементов. Помимо этого наблюдается полное расхождение компонентов, входящих в семантическую структуру вышеуказанных единиц. Так, в русско-таджикском словаре значение слова *даст* определяется следующим образом: 1. *даст* – *рука*; 2. *с определением даст*; *одам*; *дасти тавоно* – *твердая рука*; 3. *хат* – *почерк*; 4. *разг. пуштибон*, *хоми*, *пушту панох* – *спина* (в переносном значении, человек, имеющий поддержку в обществе). 5. *разг. дараचा*, *рутбаи касби* – *степень (харроти забардаст* – *токарь первой руки)*.

В приведенных дефинициях эксплицитно не дано общего элемента в семантической структуре лексемы *даст*; однако общность эту можно выявить с помощью дальнейшей субституции определений словаря на место элементов дефиниции: *даст: тавоно* – *сила*; *пуштибон* – *твердая рука*.

В персидско-русском словаре для слова دست находим следующее определение: 1. *рука, руки; кисть, кисти: دست با خود – своими руками, собственноручно; دست یک صدا ندارد* (погов. *одна рука не имеет голоса* – *один в поле не воин*); 2. *передняя лапа*; 3. *сторона, направление*; 4. *игра*,

партия (в шахматы, карты, нарды и т.п.); тур; тайм: *ما چهار دست بازی کردیم* – мы сыграли четыре партии; 5. ход, очередность в игре: *دست از ما است* – наш ход!, наша игра; 6. набор, комплект, гарнитур (в сочетании с числительными):

دست یک فاشق – набор ложек; 7. вид, род, сорт:

فنجانها همه یک دست است – чашки все одного сорта. В семантической структуре лексемы *دست* общими являются следующие элементы: *верхние конечности; игра; набор; вид*.

Вполне очевидно, что в разных словарях семантическая общность может быть выражена по-разному. Так, например, в таджикско-русском словаре под редакцией М. В. Рахими и Л. В. Успенской толкование существительного *даст* – рука дано в следующем виде: *даст а) рука; б) перен. ближайший помощник, доверенное лицо; в) в подчинении* [TPC 1963: 456]. Из данных дефиниций можно легко выделить общий компонент *подчинение*.

В) Вполне закономерно, что в целом ряде случаев связь значений, интуитивно четко ощущаемая, не представлена в словарях ни в дефинициях как таковых, ни в дефинициях, подвергшихся дополнительной постановке. Видимо, это следует отнести за счет того, что эксплицитное выделение общности значений не включалось в задачи описания, а потому отсутствие связи между значениями можно считать доказанным материалом словарных дефиниций только в том случае, если невозможно такое их переформулирование, которое эту связь выявляет. Под переформулированием целесообразно, в частности, понимать соединение дефиниций с помощью элементов типа *имеющий, обладающий, отличающийся, являющийся, служащий, содержащий*. Интуитивно понятно, что такие компоненты не могут считаться показателями семантической связи меж-

ду словами. Вслед за Ю. Н. Карауловым назовем их нулевыми компонентами или связками [Караулов: 198].

Связки бывают трех типов: связки – отношения (являющийся, характеризуемый); связки – указатели границ разрывности (какой-н., чей-л., тот.); связки – категории (предмет, свойство, состояние, отношение).

Связки первого типа охватывают самые общие абстрактные отношения 1) включения (относящийся к, находящийся в, принадлежащий к, касающийся, составляющий); 2) состава (содержащий, заключающий в себе, состоящий из); 3) равенства (являющийся, соответствующий); 4) происхождения (основанный на, изготовляемый из, сделанный); 5) функции (предназначенный, определяющий, служащий для); 6) экзистенции: а) наличие признака (имеющий, обладающий, характеризуемый, выражающий); б) отсутствие признака (лишенный, освобожденный). Например, существительное *локоть*. Исходное значение слова *локоть* – место сгиба руки, где соединяется плечевая кость с костями предплечья [СРЯ 1986: 198]. Вторичное значение слова *локоть* – старинная мера длины *приблизительно* равная длине локтевой кости человека. Или у слова *пятка* при сравнении слова *пятка* – задняя часть ступни человека и животного. Вторичное словарных дефиниций выделяем связку *служащий*. Исходное значение лексемы *пятка* – задняя часть чулка, носка, закрывающая часть ступни. При метонимическом порождении вторичного значения выделяется компонент *служащий*: *пятка* – нижний, задний конец чего-либо, иногда *служащий* местом соединения чего-либо. В результате анализа исследования нами было выявлено, что если связки – отношения, связки – указатели являются своеобразием русской лексической системы, то в таджикском и персидском языках преобладает связка категория (предмет, свойство, состояние, отношение). Важно заметить, что связки – категории представляют собой настолько широкие по объему

понятия, позволяющие объединить в единую структуру совершенно разнородные явления. Например, в семантическую структуру многозначного слова *дил* – *сердце*, входят следующие понятия: перен. 2) *ботин* – *внутреннее содержание, внутренний мир*; *хотир* – *память, сознание, мысль*; 3) *чон* – *душа, дух; жизнь*; 4) *рух* – *дух, душа; психика*; – *храбрость, отвага, мужество, доблесть, сила духа, середина*.

Семантическая общность лексем, входящих в структуру многозначных слов *дил* – *دل* – *сердце* представлена в дефинициях в неявном виде, т.е. связь значений ощущается интуитивно. Все лексемы объединены компонентом *состояние*. Здесь нельзя не согласиться с утверждением, что для полного овладения чужим языком необходимо развить в себе некое языковое чутье, чтобы улавливать «дух языка», в соответствии с которым и следует строить высказывание на этом языке. Обычно считается, что этот «дух языка» аналитическому истолкованию не подвержен, что он усваивается лишь благодаря длительной практике, особенно в живой атмосфере данного языка, при контакте с его носителями [Гак 1966: 97-105].

Признание некоторого семантического образования регулярным (не окказиональным) компонентом смысловой структуры лексемы и, соответственно, отражение этого факта многозначности в словаре связано как с возможностями регистрации фактов речевой практики, так и исходными позициями лексикографа.

Здесь отметим один побочный эффект детального анализа семантической структуры многозначных слов в сопоставляемых языках. Необходимость описать подчас весьма тонкие различия между элементами, входящими в семантические структуры многозначных слов разных языков приводит к тому, что высвечиваются совершенно новые аспекты в значениях всех, входящих в структуру слов, которые практически не поддаются анализу при независимом рассмотрении каждого из них.

Таким образом, можно сформулировать вывод, к которому мы пришли в ходе анализа материала:

Исследование семантических изменений, происходящих в лексической системе сопоставительных языков, подтверждает, что в семантической структуре слов объективно могут быть выделены отдельные элементы, которые и составляют в совокупности лексическое значение слова. Но для правильного их выделения необходимо определение как характера этих элементов, так и тех соотношений, в которых они находятся.

С этой точки зрения представляет интерес выяснения того, посредством каких семантических признаков различные значения многозначных слов оказываются объединенными в семантической структуре одного и того же слова.

Между тем очевидно, что лексико-семантические транспозиции являются не только фактом исторического развития языка, но играют исключительно важную роль в организации синхронической системы лексики.

Употребление лексических единиц в разных значениях обычно связано с неравноправным положением последних в семантической структуре слова, а, следовательно, дает возможность говорить о переносных значениях и в чисто синхронном плане. Характер таких переносов, как показали результаты исследования, может быть крайне разнообразным в разных случаях, и в разных языках.

Наша задача состояла также в построении такой модели структуры содержания слова как единицы языка, которая объяснила бы свойства слова, обеспечивающие возможность его многозначности при речевом использовании, и позволила бы представить механизм речевого совмещения значений слова. Мы исходили из того, что всякое речевое явление есть манифестация языковых свойств слова, присущих ему как элементу системы языка.

Именно это соотношение языковых свойств слова и их речевого проявления делает целесообразным рассмотрение явления многозначности слова в речи. При анализе факторов, делающих возможной такую реализацию слова, выявляются те его свойства, которые могут оказаться скрытым при ином рассмотрении. Тем самым, наше представление об этой языковой единице, ее модель оказывается полнее, отражает большее количество существенных признаков моделирующего объекта.

Отражаемые в такой модели стороны объекта могут иметь разные статистические характеристики. Если речь не идет о моделях статистических, количественные характеристики (частотность, вероятность встречаемости) не могут рассматриваться как непосредственно коррелирующие со степенью важности рассматриваемых признаков для определения природы объекта. Поэтому относительно невысокая средняя частотность феномена речевой многозначности слова в сопоставляемых языках не может служить основанием для вывода этого феномена из теоретического рассмотрения. Сам факт низкой частотности явления или – тем более его неодинаковой частотности в разных условиях оказывается значимым, поскольку такая неравномерность может выявить – или подтвердить – фундаментальные аспекты сущности, лежащей в основе явления.

Поскольку мы исходим из понимания языка как знаковой системы и слова-единицы языка – как двустороннего знака, существенным при таком рассмотрении являлось выяснение того, каким образом наблюдаемый в речи феномен многозначности слова согласуется со знаковой природой слова как единицы языковой системы. Это существенно потому, что снятие языковой многозначности слова в речи принято рассматривать как восстановление «закона знака», согласно которому именно одно – однозначное соответствие выражения и содержания обеспечивает надежность коммуникации при функционировании системы языка. Речевая

многозначность слова предстает как «шум», снижающий такую надежность. Объяснения этому явлению следует искать в тесной связи именно со знаковым характером единиц языка и, в первую очередь, слова.

Содержание – «внутренняя» сторона знака рассматривается как единство нескольких компонентов, включающих семантику, синтактику и значимость «по выражению». Семантика знака есть его означаемое, т.е. некоторое представление того или иного явления действительности средствами системы данного языка. Синтактика есть набор правил, определяющих комбинаторные возможности знака по отношению к другим знакам той же системы. Значимость «по выражению» – это характеристики, вытекающие из отношения данного знака к другим знакам той же системы в плане общности означаемого.

Различение этих компонентов содержания единиц языковой знаковой системы отражает двоякую обусловленность слова: собственно лингвистическими и экстралингвистическими факторами. В этом плане семантика противопоставлена синтактике и значимости «по выражению»: семантика является в содержании слова тем компонентом, который основан на экстралингвистическом «субстрате», тогда как синтактика и значимость «по выражению» представляет собой компоненты, обусловленные строением данной языковой системы и отражающие ее специфику.

Компоненты содержания слова и, соответственно, описания слова, ориентированные на эти компоненты, не обусловлены друг другом, не находятся в причинно-следственных отношениях; в общем случае неверно, что если у данного знака такая-то семантика, то поэтому такая-то синтактика и выражение, и наоборот – такая-то синтактика и / или выражение и поэтому такая-то семантика. Эти компоненты соотносятся как дополнительные [Бор: 43]. Описания слова, ориентированные на эти разные компоненты, исходят из принципиально разных понятий, а потому могут

оказываться не только несовместимыми, но и противоречащими друг другу при сопоставлении. Эта дополнительность описаний оказывается релевантной при различении разных типов значения слова, разных его семантических вариантов.

Использование слова в высказывании с поэтической функцией ведет к тому, что характеристики слова, находящиеся в отношении дополнительности (вытекающие из дополнительных описаний слова), вступают во взаимодействие. Специфика высказывания с поэтической функцией в том и состоит, что оно ведет к одновременной реализации разных потенций знака и тем самым к столкновению тех качеств, которые лежат в основе его дополнительных описаний. Это не противоречит их дополнительности и не снимает положения о принципиально разных исходных понятиях, на которых основано каждое из описаний, а лишь свидетельствует о большей сложности изучаемого объекта – языка и его единиц. В частности, такое «сопряжение» качеств, исходящих из дополнительно соотносящихся описаний, есть результат неделимости знака при членности его содержания: общность по одному из компонентов создает возможность обнаружения или установления общности и других компонентов, и такая возможность используется в речевой деятельности.

Индикатором речевой многозначности является тематический контекст. Синтаксические же условия реализации необходимы, но не достаточны сами по себе. Наличие синтаксических условий, не подкрепленных тематическим контекстом, превращает совмещение значений в мнимое, т.е. возможное в силу языковых потенций лексемы, но не реализованное в данном конкретном речевом высказывании. Такое соотношение показателей, основанных на лингвистическом и экстралингвистическом факторах, еще раз подтверждает, что поэтическая функция не снимает референционную, а накладывается на нее. Эти функции противопостав-

ляются в ходе анализа текста. В реальном же высказывании слово выполняет как требования, предъявляемые вследствие установки на сообщение само по себе, так и требования, необходимые для передачи когнитивной (интеллективной) информации данным конкретным высказыванием.

Совмещение значений слова в речи не ограничено семантическими характеристиками совмещающихся значений, не зависит от степени их общности или близости. Анализ материала позволял выделить и такое значение слов в сопоставляемых языках, специфика которых неразрывно связано с речевой многозначностью, поскольку эти значения реализуются только в условиях совмещения значений. Эти значения, являющиеся результатом (языковым отложением) вхождения слова в регулярно воспроизводимый отрывок из художественного произведения (в самом широком толковании этого термина). В результате слово получает значение, идущее от его места в той художественной модели действительности, которую представляет собой такое произведение. Семантическое приращение в слове, являющееся результатом выполнения словом смысловой нагрузки, восходящей к этой художественной модели действительности, не снимает его исходного значения, которое также проявляется в тексте, а добавляется к нему, создавая тем самым речевую многозначность слова.

Модель, представляющая речевую многозначность слова как совмещение семантических вариантов одной единицы, единство которой обусловлено общностью значимости «по выражению» как аспекта ее знакового содержания, – модель совмещения – представляется адекватной для однородного описания разнообразия явлений многозначности слова в речи на основе его качеств и свойств как единицы знаковой языковой системы.

Для адекватного лингвистического представления ситуации любой степени сложности оказывается необходимым сопряжение свойств слова – «строительной единицы» высказывания, – свойств разноприрод-

ных, ориентированных как на экстралингвистические объекты, так и на строго внутрисистемные свойства, производные от строения каждого данного языка.

В ходе исследования материала было также выявлено, что многозначность представляет собой языковую универсалию, она связана с самим функционированием языка как средства общения. Существуют универсальные законы развития многозначности, появляющиеся в разных языках (например, закон перехода от конкретного к абстрактному). Однако общие средства и закономерности по-разному проявляются в сравниваемых языках.

Широкие по своей семантике таджикские и персидские слова уточняют свое значение по связи с другими словами в предложении, тогда как русское слово самостоятельно выражает те же оттенки. Это значит, что таджикско-персидские слова – в плане их понимания – более зависимы от контекста, чем русское, обладают относительно меньшей самостоятельностью.

С другой стороны, относительно широкие значения таджикского и персидского слов позволяют им сочетаться с более широким кругом слов. При выборе слова говорящие на таджикском или персидском языке находятся в меньшей зависимости от окружающих слов или ситуаций, говорящий на этих языках может обойтись одним и тем же словом.

Следовательно, в отношении употребления таджикские и персидские лексемы менее зависимы от контекста, чем русское слово, менее автономны в семасиологическом плане и более автономны в ономасиологическом плане, русское слово наоборот.

1.4. Компоненты семантической структуры

многозначных слов:

межъязыковые универсалии и национальная специфика

Проблема более полного описания семантики слова привлекает внимание лингвистов уже не одно десятилетие. Продолжается и спор представителей концепций узкой и широкой семантики. Первые настаивают на том, что значение слова можно и нужно рассматривать в рамках собственно лингвистики. При этом на объект исследования накладываются существенные ограничения. Стараясь не покидать пределов «чистой» лингвистики, языковеды, стоящие на этой позиции, исходят из того, что для передачи и понимания информации человек использует только свое знание языка и не обращается к знаниям других типов: к сведениям об авторе или адресате сообщения, о деталях конкретной обстановки, в которой употребляются слова, к энциклопедической информации о тех предметах и событиях, о которых идет речь [Кобозева 2007: 350]. К области семантики в широком смысле относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить слушающему для правильной интерпретации высказывания [Кибрик 1992: 136].

Традиционный, узкий, взгляд на семантику не позволяет учесть все нюансы, связанные со значением слова, которое должно трактоваться максимально широко – как все содержание, которое заключается в словесном знаке. Еще А. А. Потебня применительно к слову различал два вида значения, которые он назвал «ближайшим» и «дальнейшим». «Ближайшему» значению слова при этом соответствует та часть его содержания, которую он называл языковым содержанием, иначе говоря, та ин-

формация, которую связывают с данным словом все носители одного и того же языка. «Дальнейшему» значению слова соответствует та часть его содержания, которую А. А. Потебня называл «внеязычным» или, как принято сейчас говорить, экстралингвистическим содержанием, поскольку его знание не входит в знание языка [Потебня: 216].

Значение слова энциклопедично по своей сути [Болдырев 1987: 25-36]. Для его характеристики необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта носителей языка. Таким образом, можно утверждать, что значения слов соотносимы с когнитивными структурами или, иначе говоря, блоками знаний, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. При этом надо иметь в виду, что знания человек получает не только через целенаправленное, теоретическое познание, но и простое, обыденное (не всегда осознанное) постижение мира в повседневной жизни, через приобретение самого простого – телесного, чувственно – наглядного, сенсорно-моторного – опыта в каждом дне взаимодействия с окружающим миром.

Более полное описание значения слова стало возможным благодаря появлению когнитивного направления в языкознании, цель которого может быть сформулирована следующим образом: посредством постижения языка проникнуть в формы разных структур знания и описать существующие между ними и языком зависимости. В этой новой постановке цели исследования связанной с новым осмыслением проблемы соотношения языка и сознания, можно увидеть коренное отличие когнитивной парадигмы в языкознании от традиционной [Болдырев 2004: 18-36].

Таким образом, современный взгляд на феномен знания и значения все больше определяется когнитивным подходом к проблемам языка

и семантики. В центре нового подхода к языку стоят две взаимосвязанные проблемы: 1) структуры представления знаний; 2) способы концептуальной организации знаний в процессах понимания и построения языковых сообщений [Там же: 213].

Одной из понятийных моделей, анализ которых способствует решению обеих задач, является лексическая полисемия, определяемая как способность единиц лексикона иметь несколько семантически взаимосвязанных значений, которые служат средством номинации объективно различных предметов и явлений и дифференцируются в речемыслительной деятельности синтагматически (с помощью контекста) и парадигматически (на основе семасиологических оппозиций).

Анализ многозначных слов (их значений и смыслов) в разных языках с целью выявления их сходств и различий вызван необходимостью иметь сведения об их сходстве и различиях с целью предотвращения переводческих ошибок, преодоления семантической интерференции, возникающей вследствие расхождений в семантических структурах многозначных слов в разных языках. Многозначные слова – это семантическая универсалия. Это результат действия универсальных законов развития многозначности. Однако проявление этих законов в разных языках различно.

Полисемия – семасио – ономасиологическая категория, в которой отражаются как универсальные свойства языка и мышления, так и идиоэтнические, национально-языковые особенности [Ольшанский 1984: 166]. Механизм многозначности в определенной степени разрешает противоречие между беспредельностью мира и конкретного опыта, бесконечностью познания, с одной стороны, и ограниченными возможностями языка, восприятия и памяти, с другой. Многозначность языковых единиц – экономное мнемоническое средство, обобщенный способ хранения языковой и энциклопедической информации, механизм концептуализации знаний.

Регулярный характер полисемии делает ее удобной классификационной, таксономической категорией, позволяющей, по словам В. В. Виноградова, разносить бесконечное множество значений по рубриках основных понятий [Виноградов 1953: 3-29].

Л. А. Новиков рассматривает многозначное слово как единство лексико-семантических вариантов, число которых равно числу отдельных значений. Понимание языкового знака – слова, как совокупности лексико-семантических вариантов, предполагает подход к его семантике в термине «семантическая структура слова» [Новиков 1982: 72]. Под семантической структурой слова мы будем понимать, – пишет И. В. Арнольд, – структурное множество возможных для слова лексических значений, вариантов и оттенков и их эмоциональной и стилистической окраски, проявляющихся в разных формах и контекстах употребления, т. е. находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции [Арнольд: 123]. Для семантической структуры многозначного слова характерны семантические сети, в основе которых лежит одна исходная семема, вокруг этой семемы группируются производные от нее семемы (ЛСВ). ЛСВ находятся между собой в отношениях производности – эпидигматических отношениях. В семантической структуре слова основное значение и производные значения имеют и план содержания, и план выражения. Основное, прямое значение слова, характеризуется наличием этих двух планов, а лексико-семантические варианты реализуют план содержания в условиях дополнительной дистрибуции, т.е. в контексте, который реализует содержание лексико-семантического варианта основного значения. Контекст – это дополнительная дистрибуция, окружение слова, которое способствует пониманию ЛСВ. План выражения ЛСВ – это означающее, относящееся к основному значению и формирующее его. В этом случае мы имеем один план выражения (одно означающее), которое выражает в условиях допол-

нительной дистрибуции несколько планов содержания. Согласно принципу ассиметрии языкового знака, один знак может нести несколько элементов плана содержания, а один элемент плана содержания может обозначаться несколькими знаками в плане выражения [Карцевский, 2004: 96]. Принимая этот принцип мы признаем в то же время, что за каждым знаком стоит определенное содержание, а каждое содержание обязательно находит выражение в определенном знаке; иначе говоря, существуют параллельные ряды квантов содержания и квантов выражения, которое хотя и ассиметрично, но в конечном счете неизменно коррелируют. Однако в последние годы лингвисты стали находить больше случаев, когда элементы плана содержания не выражаются средствами плана выражения, а их присутствие обусловлено как следствие, вывод или предпосылки тех компонентов содержания, которые носили словесное выражение. В таких случаях можно говорить о феномене подтекста, который возникает в результате домысливания тех идей, которые выражены в тексте словесно. Подтекст – это предпосылки к сказанному, следствие и выводы из него, это понимание состояний и действий, сопутствующих названным [Попова 2001: 91].

Существование подтекста становится возможным потому что значение, выраженное с помощью звукового знака, само может быть сигналом или знаком для другого значения, возникающего по ассоциации с первым. В семантической структуре многозначного слова совмещаются и лексическое значение слова, и смысл. Они представляют собой две основные стратификации семантики слова, поэтому при сопоставительно-контрастивном анализе многозначного слова следует выделять два уровня анализа семантики слова: уровня структуры лексического значения – уровня устойчивых, принятых в данном языковом коллективе и нормативно закрепленных словарями значений и их составляющих, и уровня

смысловой структуры слова, который, вмещая в себя структуру лексического значения и ее элементы, представляет собой образование более высокого порядка, ориентированное не столько на сам предмет, обозначенный словом, сколько на его концептуальное восприятие в рамках национального самосознания или в рамках заданного дискурса. Соответственно можно говорить, – пишет В. Н. Манакин, – о двух основных типах смыслах слов: 1) как о ментальных (концептуальных) образованиях в пределах данной языковой культуры; и 2) как о конкретном содержании, которое слово приобретает в том или ином контексте [Манакин 2004: 27].

Сопоставительный анализ значений слов и их смыслов в разных языках, показывает, что во многих случаях могут совпадать прямые значения слов. Однако в случаях действия закона семантической открытости слов значения слов в разных языках не совпадают, так как в одном языке семантическая структура слова может быть представлена в развернутом виде, когда каждую сему в смысловой структуре слова можно условно рассматривать как отдельное самостоятельное слово, в структуру которого входят другие семы, последние, по мере необходимости, также можно раскладывать на составляющие. В «распакованном» виде слово вмещает гораздо большее количество семантических признаков, чем это могут отразить самые полные толковые словари. Именно на этой особенности слова основывается его семантическая открытость, изменчивость и вариативность [Там же 78].

В семантических структурах многозначных слов реализуются универсальные модели когнитивного аппарата, свойственного всем людям: 1) пропозициональные (они вычленяют элементы из ситуации, определяют связи между ними); 2) метафорические модели (переход значений из одной области в другую); 3) метонимические модели (часть – целое) [Гак 1977: 64].

Таким образом, в данном исследовании под понятием семантической структуры слова имеются (вслед за Д. Н. Шмелевым) в виду не только связи разных значений одного слова, но и все то, что определяет структуру отдельного значения слова. С этой точки зрения компонентами семантической структуры слова являются: значение как выражение понятия; внутренняя форма слова, которая может быть компонентом значения слова или же оформляет представление, сопутствующее значению; ассоциативный потенциал значений слова, который из потенциального становится реальным в переносных значениях слова; модальные оттенки значения слова; эмоциональная окраска слова, включая стилистическую окраску значения слова. Все эти компоненты семантической структуры слова, равно как и отражения системных связей в ней, рассматриваются нами в сопоставительном аспекте (на материале РТС, 1985 и ТРС, 2004, ПРС, 1968).

Проблематика, связанная с внутренней формой слова, рассматривается в статье В. Т. Варина «Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц» [Варина 1975: 34]. Важными в данной работе представляются несколько мыслей и определений:

1. Признаки, служащие основанием номинации, обычно рассматриваются в плане «семантической мотивированности» или так называемой «внутренней формы» слова. Иными словами, вопрос о внутренней форме того или иного слова предполагает выделение признака, положенного в основу названия, выделение мотивирующей основы (например: в русском языке: *лесоруб* – *рубящий лес*; эквивалент в таджикском языке: *дарахтбур* – *рубящий дерево*; или в таджикском языке: *пулдор* – *человек, имеющий деньги, денежный человек*).

2. Язык фиксирует в содержании своих единиц как объективные признаки обозначаемых предметов, так и признаки, приписывае-

мые предметам творческим мышлением человека. Это дает основание разграничивать в лексическом значении слова объективные и субъективные признаки (или семы; или – компоненты). В переносных значениях чаще всего закрепляются результаты субъективного подхода к обозначаемым явлениям действительности.

Необходимо отметить, что взаимодействие объективных и субъективных признаков номинации особенно ярко обнаруживается при сравнении лексических единиц разных языков, обозначающих одни и те же денотаты. Сравнение обнаруживает полное или частичное сходство, а иногда и полное расхождение (например: *писатель* – نویسنده – нависанда; *пахарь* – شخمکار – заминрон; *сапожник* – (موزهدوز) – کفشدوز – музадуз – полное сходство, здесь следует заметить, что в персидском языке слово *موزهدوز* является устаревшим, в то время, как в современном таджикском языке оно используется), частичные различия (*губошлеп* – шлепание губами, *растяпа*, в таджикском языке *даханяла* – دهانیله – человек, с открытым ртом), полные различия (в русском языке *булочник* – тот кто продает булочки, в таджикском языке: *санбусапаз* – человек, занимающийся приготовлением и продажей пирожков; в персидском: شاطر – пекарь, булочник. Далее приводится ряд слов, не имеющих своих эквивалентов в русском языке: *сархур* – мужчина, у которого умирают жены, женщина, у которой умирают мужья; *бепир* – не имеющий наставника; *занпараст* – любящий свою жену, женолюб.

Следует заметить, что если внутренняя форма живая, то она играет роль в значении слова, являясь компонентом значения слова или даже в некоторых случаях равна значению. Правда, о равенстве значению слова можно говорить с оговоркой, так как необходимо учитывать свойство слова, названное М. В. Пановым «фразеологичностью слов», которое заключается в том, что значение слова всегда включает в себя компоненты,

которые не вытекают из суммы смыслов частей слова, то есть всегда есть некий «семантический довесок». Роль внутренней формы может быть и другая: она не участвует в формировании значения слова, но оформляет представление, которое сопутствует значению слова (например, в русском языке: *губошлеп* или *шлепание губами* ни в одном словаре не включено в определение значения этого слова. Словарь Ушакова дает такое значение этого слова: *глупый человек, распята*). Живой внутренней форме противопоставлена этимологическая внутренняя форма.

Можно говорить об определенных условиях, способствующих активизации внутренней формы слов. В частности, такими условиями являются перевод с одного языка на другой, общение носителей разных языков, чтение литературы на иностранном языке. Если для носителя родного языка тот или иной признак номинации подвергается забвению, то для носителей иностранных языков он активизируется.

Развитие мотивированности слова – столь же естественное явление в языке, как и демотивация.

Следует заметить, что мотивированному слову одного языка в другом нередко соответствует немотивированное. Так, в современном русском языке *пожилой* – слово немотивированное с синхронной точки зрения. В таджикском же *солхурда* отчетливо чувствуется сочетание *сол* + *хурда*, то есть «проглотивший годы», или в персидском языке: *ریشسفید* – *ریش* + *سفید*, т.е. «седая борода»; слово *ювелир* в русском языке – немотивированное, таджикско-персидские слова *симкор* – *زرگر* мотивированы; *сим* – *серебро*, *кор* – *работа* – *работающий серебром*; *زرگر* – *касе*, ки аз тиллову нукра асбои зина месозад – тот, кто изготавливает украшения из золота и серебра. А вот русские слова: *вертихвостка*, *крохобор* явно указывают на обозначаемое ими понятие.

Иногда равнозначные слова в обоих языках мотивированы, но в их основе лежат разные способы наименования, так как предмет может получать наименования по своим различным признакам. Так, слово *безжалостный* в русском языке человек, не имеющий жалости, злой. Таджикской *сагдил* – *безжалостный* указывает на другое качество человека: *саг* – *собака*, *дил* – *сердце* – человек с собачьим сердцем.

Таким образом, доля мотивированных слов, характеризующих внешние, нравственно-волевые качества человека, а также слов, обозначающих действующего лица, неодинакова в трех языках.

Наш опыт сопоставления мотивированных слов в русском и таджикско-персидском языках показывает, что языки различаются не столько удельным весом мотивированных слов, сколько категориями слов, которые оказываются мотивированными, а также видами мотивации. В таджикском и персидском языках степень мотивированности в словах сильнее, чем в русском. Часто полной мотивации русских слов соответствует в таджикском и персидском – частичная мотивация. Русским же словам с частичной мотивированностью соответствуют в таджикском и персидском языке немотивированные слова.

Внутренняя форма слова связана также с понятием метафорическая мотивация, лежащая в основе некоторых первичных значений. Можно отметить здесь два случая: 1. Метафорический смысл мотивирующей основы присущ и самостоятельному употреблению мотивирующего слова (например, в русском языке: *перегибщик* при употреблении слова *перегиб* в переносном значении «вредная крайность» или в таджикском языке: *гов* – *силач*, *богатырь*). 2. Метафорический смысл мотивирующей основы не находит поддержки в самостоятельном употреблении мотивирующего слова основы (например, в русском языке: *деревенеть* при отсутствии переносного значения слова *дерево* или *миндальничать* – *миндаль*, также

в таджикском языке: *ругарм* – *ру* – *лицо* – *гарм* – *тепло* = *симпатичный, привлекательный* (о человеке).

В основе метафорической мотивации большей частью лежит ассоциативный признак. Подобные ассоциативные связи реализуются и в собственно словообразовательном плане (например, русское слово *пылкий* на основе *пылать* (страстью), *стойкий* на основе *стоять* (на своем, до конца), *петушиться* на основе *петух*, второе значение которого «о задиристом человеке» возникает в связи с ассоциативным признаком *петуха* (задиристость), который не включается в основное значение слова «петух»). Здесь также наблюдается целый ряд расхождений при сравнении внутренней формы слов в русском и таджикско-персидском языках. Так, внутренней форме русских слов: *набычиться* (надуться, насупиться), *ежиться* (нервно пожимать плечами, сутулиться), *петушиться* (впадать в смешную заносчивость, горячиться), *ишачить* (выполнять тяжелую работу) в таджикском и персидском языках соответствуют следующие эквиваленты: *кавок андохта нигоҳ кардан*, *гунча шудан*, *хашиггин*, *оташин шудан*, *хар барин кор кардан* – *لب بر چیدن*, *پېچوتاب خوردن*, *جوش به آمدن* буквальный перевод на таджикский или персидский языки невозможен, эквивалентом выступают описательные обороты. При сравнении внутренней формы таджикско-персидских слов: *сабуккадам* – *приносящий удачу*, *синаафкор* – *с истерзаным седцем*, *шаробдуст* – *любитель вина*, *пирузахтар* – *родившийся под счастливой звездой*, *пирхар* – *старый осел* (о человеке), *покизаандом* – *с красивой внешностью*; *اتکالی* – *человек, неуверенный в себе, в своих силах*; *اکبیر* – *мерзкий человек*; *باریکخیال* – *человек, обладающий утонченным воображением*; *بدره* – *человек, сбившийся с истинного пути* – наблюдается аналогичная картина. Эти примеры подтверждают, что языки различаются не только тем, как они передают одни и те же понятия и аспекты ситуации, но и тем какие аспекты отбираются

говорящим на данном языке при описании данного денотата или данной ситуации. Следовательно, некоторые понятия (признаки) либо аспекты действительности оказываются первоочередными для говорящих на данном языке.

В связи со способами обозначения понятия, в своем исследовании мы касались также двух универсальных законов переноса значения слов: метафоры и метонимии. Здесь следует заметить, что метонимия в таджикском и персидском языках не встречается, однако она является вторым по продуктивности способом семантической деривации в лексической системе русского языка. В семантических описаниях и классификациях метонимия часто рассматривается совместно с метафорой. И этому есть основания, поскольку «метафора и метонимия – это различные виды одного – переносного – типа значения» [Зимин 1977: 77-84]. Однако различия между ними глубже и важнее, чем их сходство.

Семантическая мотивированность метафоры, как правило, основана на одном или нескольких конкретных признаках исходного значения и через них связана со всем содержанием слова; семантическая мотивированность метонимии основана на смежности предметов и явлений и, следовательно, связана с исходным значением не отдельными признаками, а всем объемом значения. Метафора представляет собой парадигматически обусловленное изменение значения; метонимия порождается механизмами синтагматических преобразований. Существенно различие и в функциональной направленности двух видов переноса: для метафорических значений первична функция характеристики; метонимические образования выполняют прежде всего номинативную функцию. Метонимическим переносам свойственна низкая экспрессивность, стилистическая нейтральность, высокая номинативность. Кроме того, по наблюдениям Д. Н. Шмелева, «виды метонимического переноса противостоят метафо-

рическим ... своей большей «организованностью» и «продуктивностью» соответствующих моделей» [Шмелев 1964: 44].

Являясь изначально речевым явлением, как было указано, метонимия опирается на синтагматические связи слов. Она регулярно возникает на базе словосочетаний и предложений и является результатом их эллиптического сокращения. Поэтому метонимия, сохраняющая ту или иную степень ограниченности условиями употребления и не создающая нового контекстуально-независимого значения слова, обладает статусом речевого употребления слова. По справедливому замечанию Д. Н. Шмелева, многие случаи метонимического применения слова, синтаксического по своей сути, необоснованно рассматриваются как метонимические изменения значений: «*Сердце у Раисы прошло; Весь дом отдыха заинтересовался этим*. Данные примеры показывают, что в ряде случаев следует говорить не об индивидуальном развитии семантики отдельного слова (лексико-номинативный аспект), а о «закономерности в развитии семантики определенных рядов слов, обладающих общими семантическими элементами» [Там же: 58]. В связи с этим можно заметить, что в толковых словарях современного русского языка не вполне одинаково и последовательно фиксируются метонимические употребления слов в речи.

Следовательно, несмотря на определенное сходство, метафорический и метонимический переносы имеют глубокие отличия, связанные с различиями в механизме их образования, внутренней мотивированности, функциональной направленности, регулярности и продуктивности соответствующих моделей.

Далее более подробно рассмотрим метафору в сопоставляемых языках. Метафора в наши дни представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в

формировании личностной модели мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому изучение метафоры проводится в настоящее время не только в рамках лингвистики, но главным образом в психологии, когнитивной науке. Интерес к метафоре со стороны когнитивной науки связан с ее представлением как языкового явления, отображающего базовый когнитивный процесс. По мнению многих сторонников когнитивного подхода (Дж. Лаккоф, М. Джонсон, Дж. Карбонелл), главную роль в наших повседневных семантических выводах играют не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а аналогия. В основе последней – перенос знаний из одной содержательной области в другую. И с этой точки зрения метафора является языковым отображением крайне важных аналоговых процессов.

Метафора, будучи универсальным способом языковой номинации, выступает как способ концептуализации окружающей действительности на основе образной аналогии, сквозь которую «просвечивают» этнокультурные основания характеристики соответствующих явлений. В качестве одной из сущностных характеристик метафоры исследователями отмечается, что «базовая ассоциативная связь, существующая между признаком и предметом, в наибольшей степени его выражающим, взаимодействует (но не отождествляется) с существующими в национальном сознании параллельными ассоциациями, раскрывающими символическое отношение к тому или иному понятию» [Глазунова 2000: 90]. При этом создаваемые и хранимые в памяти ассоциации относятся к различным уровням и обладают общечеловеческим, национальным, социальным, профессиональным или субъективно-личностным статусом [Там же: 64]. Метафора рассматривается как основная мыслительная операция в про-

цессах категоризации и концептуализации действительности: «Человек не только выражает свои мысли при помощи метафор, но и мыслит метафорами, создает при помощи метафор тот мир, в котором он живет» [Чудинов 2001: 34–41]. Кроме того, в метафорах наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия данного языкового коллектива. Именно поэтому анализ и интерпретация метафорических образов могут выступать в качестве одного из способов изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового и национального самосознания.

Метафора универсальна в том смысле, что они наблюдаются во всех языках, во всех функциональных стилях речи.

Но универсальность этих законов не значит, что они совершенно одинаково проявляют себя в разных языках. Слова с одним и тем же семантическим ядром могут обладать различными переносными значениями. С другой стороны, в ономаσιологическом плане – одно и то же понятие может иметь в одном языке прямое, а в другом – метафорическое наименование. И наконец, сам удельный вес в языке и речи метафорических образований в разных языках может быть различен. Может наблюдаться и разная степень стертости однотипных переносных значений.

На продуктивность исследования метафоры в сравнительно-сопоставительном аспекте, в том числе с привлечением материалов неродственных языков, с целью выявления общих закономерностей и национально-культурных особенностей механизмов развития и функционирования переносных значений, а также на необходимость описания возможных моделей ее метафорического осмысления указывали такие лингвисты, как Н. Д. Арутюнова, В. В. Гак, И. О. Глазунова, В. Н. Телия, В. Н. Харченко и др. Для этих целей может быть применен сравнительно-сопоставительный анализ узуальных переносных значений, зафиксированных словарями и представляющих характеристику человека через

сравнение с животным, с учетом этнокультурной специфики образной семантики исследуемых номинативных единиц в разных языках. Такой анализ должен базироваться на выявление ассоциаций, формирующих соответствующий зооморфный образ (т. е. оснований для сопоставления свойств животного и человека).

О. И. Глазунова, рассматривая природу ассоциативных связей, лежащих в основе метафорических переносов, выделяет ассоциации общечеловеческие и национально специфические. Так, к общечеловеческим она относит «ассоциации, основанные на общих принципах мышления или на общепринятой соотнесенности предмета и связанного с ним действия (*ножницы – стричь, пища – есть* и т.д.), которые Ф. де Соссюр, а затем В. Порциг объединили понятием синтагматических смысловых отношений. В качестве ассоциативных соответствий национального уровня могут рассматриваться пары, основу которых составляют ассоциации по сходству: *мышь – тихая (незаметная), медведь – неуклюжий, осел – упрямый* и т. д. Ассоциативная соотнесенность по сходству включает субъективный фактор восприятия действительности, и, следовательно, для адекватной расшифровки закодированного значения признака необходимо обладать предварительными фоновыми знаниями относительно сложившихся в данном коллективе предметно-практических связей» [Глазунова: 69]

В качестве объекта исследования в рамках данного параграфа были выбраны зооморфные метафорические наименования русского, таджикского и персидского языков. Материалом для исследования послужили зооморфизмы извлеченные из словарей (РТС, 1985, ТРС, 2004, ПРС, 1968), а также «Толкового словаря русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Ожегов: 1988]. Применив метод компонентного анализа, мы выявили коннотативные семы, являющиеся основой развития

вторичного значения зооморфизма, а также базовые направления развития связанных с ними ассоциативных представлений с учетом культурологической информации, содержащейся в народной афористике. В результате проделанного сравнительного описания символических смыслов зооморфных образов, используемых для характеристики человека в русском, таджикском и персидском языках, нам удалось выявить универсальные и национально-специфические особенности развития и функционирования метафорических значений, а также установить следующие типы соотношения образной семантики русских и таджикско-персидских зооморфизмов, эквивалентных по исходному денотату:

- случаи полного совпадения переносных значений;
- случаи частичного совпадения – при сходе одних семантических компонентов, сопоставляемых эквивалентных зооморфизмов, и несовпадении других;
- случаи полного расхождения значений зооморфизмов в русском и таджикско-персидском языках.

Рассмотрим ряд примеров, выявляющих универсальные и специфические характеристики зооморфизмов в русском и таджикско-персидском языках с учетом приведенных типов семантических корреляций.

Случаи полного совпадения

(полное тождество значений зооморфных метафор)

Хамелеон	Букаламун	بو قلمونصف
Перен.: Человек, приспосабливающийся к обстановке, легко меняющий свои взгляды, поведение, симпатии.	Перен., презр.: Хардамхаел, замонасоз – приспособленец, конъюнктурщик; беспринципный человек,	Перен.: человек, меняющий свой взгляд и мнения в зависимости от обстановки.

	действующий в зависимости от сложившейся в данный момент конъюнктуры.	

Общее основание для метафорического переноса вполне очевидно: «хамелеон – животное, способное менять цвет кожи», отсюда эквивалентное в сопоставляемых языках переносное значение зооморфизма – «человек, не имеющий устойчивого мнения, приспосабливающийся к обстоятельствам из соображений личной выгоды». Ср.: таджикско-персидская поэзия:

Холи у чун ранги букалмун набошад як ниход,

Гох ери тусту гах душман чу теги хиндуи (Меняется подобно хамелеону, и не понять – друг тебе он или враг) и рус. Как хамелеон меняя убеждение, Ты заслужил себе всеобщее презрение!

Лиса	Рубох	روباہ
Перен.: хитрый, лживый человек.	Перен.: разг. хитрый, плут, мошенник.	Перен.: притворщик, хитрец

В данном случае основой метафоризации в трех языках является эмоциональное восприятие особенностей характера животного, соотносимых с аналогичными особенностями характера человека. Маркированным компонентом зооморфного образа «человек как лиса» оказывается представление о лисе как об очень хитром, коварном звере. При этом сама «хитрый», лежащая в основе метафорического переноса, разворачивается следующим образом: хитрый – лживый – неискренний – лживый. Так, например, как в русском, так и таджикско-персидском языках для

характеристики хитрого, коварного человека, обманщика часто употребляются устойчивые выражения: *рубохи хилагар* – хитрая лиса; в русском языке также – *хитрый как лиса, старая лиса; Кто ж его не знает, плута, Лисицу старую!*. Следует заметить, что в таджикско-персидской поэзии употребляются лексемы производные от *рубах* – лиса, в частности, *рубах-бози, рубохи* – хитрость, плутовство:

*Ба чаими чу оху макун рубахи,
Маро хобби харгуш то кай диhi?*

Осел	Хар	خر
Перен.: глупец, дурак, тупой упрямец (бран.).	Перен. (неодобр): глупый; тупой; упрямый как осел; упрямец.	Перен. (бран.): дурак, тупица; глупый; тупой; упрямый.

В сопоставляемых языках «осел» является синонимом, используемым для обозначения человека, не имеющего собственного мнения и поступающего бездумно. В основе метафорического переноса лежит представление об осле, как «тупое и упрямое животное». Ср.: *Осел останется ослом, Хотя осыпъ его звездами, Где должно действовать умом, он только хлопает ушами* (Державин, Вельможа); *Осел, побывший в Мекке, - все же останется ослом* (Саади);

هرگز از او خر تر کسیرا ندیدم – никогда не видел я человека глупее его.

Таким образом, в зооморфном образе «человек – осел» маркированными являются признаки: глупый, безмозглый, тупой. Переносные значения данной зооморфной лексической единицы в сопоставляемых языках эквивалентны.

Случаи частичного совпадения
(неполное тождество значений зооморфизмов при наличии
общего основания для метафорического переноса)

Собака	Саг	سگ
Перен.: Негодай, презренный человек; употребляется также вместо ругательств <i>Сукин сын, черт</i> и т.п.	Перен.: презренный человек, бродяга, бродячий	Перен.: презренный человек; человек, сующий нос не в свои дела; бездельник, шатун, назойливый нахал.

В данном случае можно говорить о неполной эквивалентности оценочных переносных значений русской и таджикско-персидской *собаки*. В трех языках основой метафоризации является эмоциональное восприятие особенностей характера животного, соотносимых с аналогичными особенностями характера человека. Маркированным компонентом зооморфного образа «человек как собака» оказывается представление о собаке как о нечистом звере. Здесь уместно процитировать Б. А. Успенского: «Представление о «нечистоте» пса имеет очень древние корни и выходит далеко за пределы славянской мифологии. Это представление о нечистоте, скверности пса очень отчетливо выражено в христианском культе: пес как нечистое животное противопоставляется святыне (ср. евангельское: «не дадите святая псам – Матф. VII. 6) и, соответственно, оскверняет святыню. В христианской перспективе псы ассоциируются с язычниками или вообще с иноверцами; отсюда у русских и вообще славян пес или собака означают иноверца, ср., в частности, устойчивое фразеологическое сочетание *собака татарин* [Даль. 4: 66]» [Успенский 1995: 103].

Традиционно, собаки в исламе также рассматриваются как нечистые животные, контакты с которыми мусульманам запрещены. К сожалению, большинство мусульман именно этим оправдывают свое неприязненное и враждебное отношение к собакам, несмотря на то, что Коран выступает против любых проявлений жестокости к животным. Собака в исламе считается «наджис» – это библейское слово переводится как «змей», то есть нечистое животное, которое может осквернить одежду, пищу и самого человека. После осквернения любой правоверный обязан совершить очищение.

Так, слово *собака*, как в русском, так и в таджикско-персидском языках употребляется для характеристики дурного человека, мерзавца, проходимца: *«Врешь ты, чертов сын!- сказал Бульба: «Сам ты собака! Как ты смеешь говорить, что нашу веру не уважают! (Н. В. Гоголь, Тарас Бульба); Вайро хар як саги куча мешиносад – его здесь каждая собака знает; ? او سگ کیست که – (чья он собака?) – разг. да кто он такой, чтобы? Также в русском языке слово собака употребляется вместо ругательств сукин сын, чорт: «Собаке собачья смерть!», «Хорошо поет собака, убедительно поет!», «Ведь не бьет собака, наотмашь, а тычет кулачищем прямо в рожу», иногда также используется в качестве шуточного выражения восхищения: «Дает какой-то сукин сын червонец, я ему сдачи – четыре пятьдесят» (М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита). В персидском языке можно встретить выражение: آباد سگ بازی назойливый нахал или سگ هر زه مرض – (букв. собака – язва) – грубиян, нахал; или ده سگ حسن – а) человек, сующий нос не в свои дела; б) бездельник. Символическое значение «нечистого животного», присущее образу *собаки*, коррелирует в персидском языке не только с представлением о дурном человеке, но и с представлением о нахале, грубияне, сующего свой нос не в свои дела, добавляя еще один оценочный нюанс в характеристику человека,*

чье поведение по представлению персов сходно с поведением собаки. Что касается носителей русской и таджикской культур, то для них метафорическое обозначение собака – назойливый нахал, грубиян через аналогию с собакой неактуально.

Случаи полного расхождения значений зооморфизмов проявляется в следующих соотношениях между значениями эквивалентных зооморфных лексических единиц в разных языках:

а) отсутствие совпадений у значений зооморфизма и / или свойственных ему оценочных коннотаций при общности основания для метафорического переноса:

Слон	Фил (пил)	فيل
Перен.: о большом, громоздком, неуклюжем человеке.	Перен.: мощный, сильный, внушительный; доблестный, мужественный; богатырь	Перен.: сильный, мужественный; богатырь; فيل مست – пьяный слон – о необузданном, буйном человеке.

Основа метафорического переноса – семы «большой», «крупный», заключенные в прямом значении данного слова и отражающие прототипические представление о слоне через названный доминирующий признак внешнего вида (крупный размер). Ср.: прямое лексическое значение в таджикско-персидском языках: «хайвони калончусса ва бузурги хартумдор – крупное, величественное животное с хоботом» и в русском: «крупное с двумя большими бивнями хоботное млекопитающее тропических стран». Однако у слова «слон» в русском и таджикско-персидском языках развивается противоположная оценочность, что приводит к формированию зооморфных образов с диаметрально противоположными

коннотациями. Так, для носителей таджикско-персидской культуры крупные размеры животного ассоциируются с представлениями и чем-то величественном, грандиозном, возвышенном, поражающем своей силой и мощью: *«Аз ин ду хунармард пили жиен,*

Бибояд бибандад ба марди миен (А. Фирдавси).

У носителей русской культуры такое крупное по размеру существо, как слон, соотносится с представлениями о громоздкости, неповоротливости, неуклюжести и толстокожести (нечувствительности), вследствие чего его зооморфный образ имеет ярко выраженную отрицательную оценочную коннотацию. Ср.: *Слон в посудной лавке* (о большом и нескладном человеке, оказавшемся в тесноте, среди ломких, хрупких вещей); *как слон* (неуклюж, громоздок, неповоротлив); *как слону дробина* (совершенно нечувствительно).

Таким образом, одни и те же прототипические характеристики «образа» слона получают в таджикско-персидском и русском языках противоположные оценочные акценты, что, соответственно, приводит к появлению диаметрально противоположных значений зооморфизмов.

б) отсутствие метафорических соответствий, когда в одном языке развивается переносное значение, а в другом нет:

Тетерев	Титав	ترنگ
Перен.: о глухом человеке. Также: о нескладном, медлительном, непонятливом человеке.	Птица средних размеров отряда фазановых, обитающая в горной местности.	Птица средних размеров отряда фазановых, обитающая в горной местности.

В русском языке зооморфный образ тетерева используется для наименования глухого человека (ср.: *Глухой тетерев. Глухая тетеря*), а

также – человек медлительного, нескладного, туго соображающего (ср.: *Сонная тетеря. В швейцары произвел ленивую тетерю*). В таджикском и персидском языках этот зооморфный образ (маркированный в культуре русского народа) не только не востребован для характеристики глухого или вялого, медлительного человека, но и вообще не имеет эквивалентной по значению зооморфной метафоры.

Можно привести немало примеров, когда названия животных в одном языке имеют употребительные переносные значения, но не имеют их в другом (ср.: в русском – *бобер, лебедушка, сокол, кот*, в таджикском языке – *теленочья гусола* или в персидском – *شتر شاه – верблюд: مثل شتر شاه – как верблюд шаха – о беззаботном, беспечном или о грубом, невоспитанном человеке; گربه – кошка: گربه علبه – разг. лицемер*). Нередки также случаи, когда слова с одним и тем же прямым значением могут иметь разные метафорические употребления. Таджикское *гизал* метафорически обозначает *возлюбленную*; русское *газель* прилагается к девушке, отличающейся *стройностью*, или слово *змея* в персидском языке метафорически обозначает *двуличного человека – مار دوزيان*, в русском – *коварного, ехидного, злого человека: Не человек – змея!*).

Эту избирательность языка трудно объяснить: она даже не всегда связана с тем, насколько часто встречается то или иное животное в обыденной жизни данного народа.

Таким образом, зооморфные метафоры в русском и таджикско-персидском языках имеют как сходные черты, наличие которых возможно благодаря общности человеческих наблюдений над характером и поведением животных, так и различия, обусловленные национально-культурными особенностями восприятия «образа» того или иного представителя животного мира. При этом сходство зооморфных метафор в трех языках проявляется в следующем:

- в общности основания для развития метафорического значения (единые прототипические представления о данном животном в сознании носителей русского и таджикско-персидского языков);

- в общности ассоциативных связей, лежащих в основе метафорического переноса (характеристики внешнего вида и физиологического состояния, особенности характера, поведения и др.);

- в общности процессов развития переносных значений.

Различия зооморфизмов в русском и таджикско-персидском языках находят свое выражение:

- в культурной маркированности одних типизированных представлений о том или ином животном, становящихся основой развития метафорического образа, и в нивелировании других;

- в репертуаре коннотативных компонентов значения у одной и той же зооморфной номинации;

- в степени продуктивности развития переносных значений у отдельного зооморфизма.

Следует также отметить, что различия в географическом положении, климатических условиях и, как следствие, в особенностях животного мира привели к возникновению различий в популярности того или иного зверя у русского и таджикско-персидского народов, что, безусловно, нашло свое отражение и в языке: зооморфные образы, развитые в одном языке, оказываются метафорически невостребованными в другом.

Таким образом, метафора онтологически ментальна.

В заключении еще раз подчеркнем, что среди различных видов семантической деривации метафорическое переосмысление представляет собой результат наиболее глубокого внутреннего семантического преобразования, нередко осложненного какими-либо сопутствующими явлениями. Высокая продуктивность данного вида семантической трансформа-

ции во многом объясняется уникальной особенностью человеческого мышления – способностью усматривать сходство между элементами физически воспринимаемой действительности, а также различного рода абстрактными понятиями в процессе познавательной деятельности людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования было выявлено, что многозначность представляет собой языковую универсалию, она связана с самим функционированием языка как средства общения. Существуют универсальные законы развития многозначности, проявляющиеся в разных языках (например, закон перехода от конкретного к абстрактному). Однако общие средства и закономерности, по-разному проявляются в сравниваемых языках.

Исследование также показало, что семантическая структура слова не остается неизменной. Некоторые значения слова появляются, другие исчезают с течением времени. В результате изменяется соотношение между значениями: первичные значения ряда слов вытесняются переносными, значения отдельных слов, которые в настоящее время воспринимаются как переносные, могут оказаться первичными с исторической точки зрения.

Перераспределение значений в слове, изменение их соотношения, напротив, лишний раз подтверждает тот факт, что совокупность значений слова всегда характеризуется определенной организацией, что значения образуют определенную структуру.

В ходе исследования было также выявлено, все значения многозначных слов обусловлены контекстом, но это не значит, что такая обусловленность существенна для них в одинаковой степени. Традиционное деление слов на первичные (основные, главные) и вторичные (переносные), правильно отражает неравноправное положение этих значений в семантической системе. Самое важное – главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляет еще и элементы контекста.

В таком определении в общих чертах намечены пути для разрешения вопроса о «иерархии значений». В главном значении слова, конечно, следует видеть не такое-то общее значение, но такое значение, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически.

На основе лингво-когнитивного анализа материала можно сделать вывод, что для обозначения одного и того же количества понятий таджикский язык использует меньше слов, чем русский.

Вместе с тем, однако, наши наблюдения показывают, что абстрактность таджикского слова относительна. Под абстрактным и конкретным в своем исследовании мы подразумеваем широкое и узкое значение слова.

Широту семантики слова, на наш взгляд, не следует смешивать с многозначностью. Склонность к смешению этих двух явлений происходит от того, что и слово с недифференцированным значением, и слово многозначное переводится на другой язык разными словами в зависимости от контекста. Но не всегда различные варианты перевода свидетельствуют о многозначности переводимого слова. Многозначное слово, как известно, обозначает два или несколько различных понятий. Что касается слова с недифференцированным значением, то оно обозначает одно понятие, но настолько широкое, что охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами.

Отмечая относительную абстрактность таджикского и персидского языков следует заметить, что в таджикском языке существуют целые лексические группы – например, наименования частей тела, где данный язык систематически прибегает к словам более узкого значения, чем русский. Далее, абстрактность, недифференцированность знака относится скорее не к языку как таковому, а к речи. Мы отмечали, что в случае

необходимости обозначить конкретный элемент объективной реальности таджикский язык находит достаточно точные и конкретизирующие средства. Но если ситуация или контекст ясно определяют этот элемент, то используются уже более отвлеченные, широкие по значению средства выражения. Русский же язык использует и в этом случае конкретные, точные слова. Таким образом, абстрактность таджикского языка предстает не столько как особенность его лексики, сколько как закономерность построения высказывания на этом языке.

В сопоставляемых языках проявляются различные типы зависимости выбора слова от контекста. Русскому языку свойственна тенденция к семантическому согласованию при обозначении денотатов различных, но связанных устойчивыми отношениями, и к лексической идентичности при обозначении одних и тех же денотатов в контексте. Таджикской и персидской речи, напротив, свойственны соответственно несогласование и тенденция к варьированию. Вследствие этого зависимость слова на лексическом уровне от контекста сильнее проявляется в таджикском и персидском языках, а на семантическом – в русском.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Апресян, Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского языка [Текст] : монография / Ю. Д. Апресян. – М. : Наука, 1967. – 251 с
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М. : Яз. рус. культуры, 1995. – Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. – 767 с.
3. Апресян, Ю.Д. О проекте активного словаря русского языка [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2009. – № 3 (56). – С. 118-130.
4. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка [Текст] / И. В. Арнольд. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 383 с.
5. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
6. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Учпедгиз, 1957. – 295 с.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Совет. энцикл., 1969. – 607 с.
8. Бархударов, С. Г. Русская лексикография за 40 лет [Текст] / С. Г. Бархударов // Вопросы языкознания. – 1957. – № 5. – С. 31-45.
9. Бережан, С. Г. Онтологический статус семантики языка и ее единиц [Текст] / С. Г. Бережан // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях : сб. науч. тр. – Кишинев, 1982. – С. 58-66.
10. Болдырев, Н. Н. Концепт и значение слова [Текст] / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики : сб. науч. тр. – Воронеж, 1987. – С. 25-36.

11. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18-36.
12. Болинджер, Д. Атомизация значения [Текст] / Д. Болинджер // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 200-234.
13. Бор, Н. Анатомия физики и человеческое познание [Текст] / Н. Бор. – М. : Иноиздат, 1961. – 183 с.
14. Будагов, Р. А. Язык, история и современность [Текст] / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 300 с.
15. Будагов, Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки) [Текст] / Р. А. Будагов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 302 с.
16. Варина, В. Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц [Текст] / В. Г. Варина. – М. : Наука, 1975. – 234 с.
17. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – 253 с.
18. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова [Текст] / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3-29.
19. Гак, В. Г. Опыт применения сопоставительного анализа к изучению структуры значения слов [Текст] / В. Г. Гак // Вопросы языкознания. – 1966. – № 2. – С. 97-105.
20. Гак, В. Г. Сопоставительная типология (на материале французского и русского языков) [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Международные отношения, 1977. – 264 с.
21. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Яз. рус. культуры, 1998. – 764 с.

22. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований [Текст] / О. И. Глазунова. – СПб. : Издательство Питер, 2000. – 190 с.

23. Гриневич, Т. С. К вопросу о методике определения значения на семасиологическом уровне [Текст] / Т. С. Гриневич // Вопросы романогерманского и славянского языкознания : сб. науч. тр. – Минск, 1975. – С. 49-61.

24. Дорошевский, В. Элементы лексикологии и семиотики [Текст] / В. Дорошевский. – М. : Прогресс, 1973. – 352 с.

25. Звегинцев, В. А. Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий [Текст] / В. А. Звегинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10 : Лингвистическая семантика. – С. 5-32.

26. Зимин, В. И. Метафора и метонимия [Текст] / В. И. Зимин // Русский язык в национальной школе. – 1977. – № 2. – С. 77-84.

27. Ельмслев, Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? [Текст] / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 117-136.

28. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – С. 198.

29. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] : монография / Ю. Н. Караулов. – М. : Эдиториал УРСС, 2002. – 264 с.

30. Карцевский, С. О. Из лингвистического наследия [Текст] / С. О. Карцевский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – Т. 2. – 296 с.

31. Кибрик, А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания [Текст] : монография / А. Е. Кибрик. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 336 с.

32. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] : учеб. для студентов вузов / И. М. Кобозева. – М. : Едиториал УРСС, 2007. – 350 с.

33. Кузнецов, А. М. О применении метода компонентного анализа в лексике [Текст] / А. М. Кузнецов // Синхронно-сопоставительный анализ языков разных систем : сб. ст. – М., 1971. – С. 68-93.

34. Курилович, Е. Заметки о значении слова [Текст] / Е. Курилович // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 73-81.

35. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи [Текст] : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Ф. А. Литвин. – М. : Высш. шк., 1984. – 119 с.

36. Манакин, В. Н. Сопоставительная лексикология [Текст] / В. Н. Манакин. – Киев. : Знания, 2004. – 327 с.

37. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

38. Найда, Е. А. Анализ значения и составление словарей [Текст] / Е. А. Найда // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. – С. 45-71.

39. Новиков, Л. А. Семантика русского языка [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Л. А. Новиков. – М. : Высш. шк., 1982. – 272 с.

40. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – М. : Рус. яз., 1988. – 921 с.

41. Ольшанский, И. Г. Глубинные падежи и контекстная семантика [Текст] / И. Г. Ольшанский // Контекстная семантизация лингвистических единиц : сб. науч. тр. – М., 1984. – Вып. 238. – С. 166.

42. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] : монография / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

43. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] : в 4 т. / А. А. Потебня. – М. : Просвещение, 1958. – С. 57.

44. Путягин, Г. А. Об установлении смысловых связей на основе словарных толкований [Текст] / Г. А. Путягин // Русский язык в национальной школе. – 1973. – № 6. – С. 74-77.

45. Реформатский, А. А. Термин как член лексической системы языка [Текст] / А. А. Реформатский // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1968. – С. 103-125.
46. Селиверстова, О. Н. Труды по семантике [Текст] / О. Н. Селиверстова. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 960 с.
47. Скаличка, В. К вопросу о типологии [Текст] / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – 1966. – № 4. – С. 2-30.
48. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 296 с
49. Степанов, Ю. С. Константы [Текст] : слов. рус. культуры : опыт исслед. / Ю. С. Степанов. – М. : Яз. рус. культуры, 1997. – 824 с.
50. Степанов, Ю. С. Семиотика [Текст] / Ю. С. Степанов. – М. : Академический Проект, 2001. – 691 с.
51. Толстой, Н. И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии [Текст] / Н. И. Толстой. – М., 1968. – С. 365.
52. Успенский, Б. А. Семиотика иконы [Текст] / Б. А. Успенский. – М., 1995. – 303 с.
53. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Просвещение, 1964. – 244 с.
54. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) [Текст] / Д. Н. Шмелев. – М. : Наука, 1973. – 280 с.
55. Щерба, Л. В. Методика исследования и речевая деятельность [Текст] / Л. В. Щерба. – М. : Рус. яз., 2005. – 216 с.
56. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале [Текст] / А. П. Чудинов // Рус. речь. – 2001. № 1. – С. 34-41.
57. Якобсон, Р. О. Часть и целое в языке [Текст]. Избранные работы / Р. О. Якобсон. – М., 1985. – С. 301-306.

58. Lounsbury, F. G. The structural analysis of kinship semantics [Text] / F. G. Lounsbury // Proceedings of the Ninth International Congress of Linguistics. – Cambridge, 1964. – P. 178.

59. Weisgerber, L. Muttersprache und Geistesbildung [Text] / L. Weisgerber. – Göttingen, 1929. – 215 p.

60. Bendix, E. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in England, Hindi and Japanese [Text] / E. Bendix // International Journal of American Linguistics. – 1966. – № 32. – P. 111-190.

Научное издание

**Лексико-семантический анализ многозначного слова
(на материале персидского и русского языков)**

Тиллоева Саодат Махмадкуловна
Елена Владимировна Чусовитина

Уральский государственный педагогический университет.
620017 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.
E-mail: uspu@uspu.me